

Эберс Г.

СЕРАПИС

ЕГИПЕТСКИЕ
НОЧИ

Георг Мориц Эберс

Серапис

Серия «Египетские ночи»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131733

Серапис: Роман / Пер. с нем: ТЕРРА – Книжный клуб; Москва; 2011

ISBN 978-5-486-04023-8

Аннотация

Георг Мориц Эберс (1837—1898) – немецкий писатель и историк. Первоначально занимался юриспруденцией, а затем во время болезни, надолго приковавшей его к постели, стал изучать древние языки и археологию и посвятил себя востоковедению. Эберс несколько раз побывал в Египте и написал ряд научных работ по древней истории этой страны. Известность же ему как писателю принесли исторические романы из жизни древнего и греко-римского Египта и средневековой Германии. В произведениях Эберса сочетаются научно обоснованное воспроизведение изображаемой эпохи и увлекательная фабула.

Роман «Серапис», публикуемый в данном томе, переносит читателя в Александрию 391 года – город, раздираемый ожесточенным противоборством христиан-фанатиков и приверженцев старой веры. Серапис – один из богов эллинистического мира, покровитель Александрии. Следует ли разрушать его храм и другие бесценные памятники древнейшей

истории человечества ради торжества новых взглядов, стоит ли ради них лишать людей жизни – эти вопросы ставит в романе Георг Эберс, повествуя о том, как на смену язычеству в Египте приходило христианство.

Содержание

Глава I	6
Глава II	26
Глава III	39
Глава IV	51
Глава V	66
Глава VI	81
Глава VII	97
Глава VIII	107
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Георг Мориц Эберс

Серapis

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление,
2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

Глава I

Деловая суeta промышленного города успела давно затихнуть; яркий месяц и звезды светили над Александрией, и многие жители спали глубоким сном. Была превосходная, свежая, истинно благодатная ночь, но, несмотря на тишину безлюдных улиц, в эти часы всеобщего отдыха здесь не чувствовалось настоящего спокойствия.

Уже целую неделю в ночном безмолвии ощущалось какое-то подавляющее лихорадочное напряжение и безотчетная тревога. Дома и лавки были наглухо заперты, как будто из боязни насилия. Вместо оживленного говора и песен отовсюду ежеминутно доносились тяжелые, размеренные шаги солдат и звяканье оружия.

При громкой команде римского воина или при пении молящихся монахов в каждом доме открывались то ставень, то дверь, откуда выглядывало на улицу чье-нибудь встревоженное лицо. Запоздалые пешеходы старались прятаться в углубление ворот или в темный угол за выступом стены, чтобы не попадаться на глаза ночному патрулю. Неопределенные опасения, как неотвязный кошмар, тяготели над жителями Александрии, парализуя кипучую деятельность этого оживленного промышленного центра.

Наш рассказ относится к 391 году от Рождества Христова. Ближе к полуночи прилично одетый старик осторожно

пробирался вдоль узкой улицы, начинавшейся у торговой гавани Кибота¹. Он шел, ежеминутно озираясь по сторонам и прячась в тени при встрече с солдатами. Такая предосторожность была не лишней, потому что сегодня как постоянным жителям города, так и приезжим запретили выходить на улицы после того, как закроется гавань.

Дойдя до обширного дома в виде длинного четырехугольника без окон, занимавшего целый квартал, пешеход замедлил шаги и, поравнявшись с широкими воротами, прочитал на них при тусклом свете фонаря надпись:

«Дом Усопшего Мученика. Открыт его вдовой, Марией, всем, у кого нет пристанища. Кто помогает бедным, дает взаймы Богу».

Мимолетная улыбка скользнула по лицу старика.

Вслед за этим по тихой улице гулко раздался удар в ворота. Позади них тотчас послышался стук отворяемого засова; чей-то голос окликнул пришедшего, и после его ответа перед ним отворилась маленькая калитка. Старик только собрался перешагнуть порог, как к нему подползла на четвереньках странная человеческая фигура. Удивительный привратник крепко схватил посетителя за ноги и грубым голосом прокричал:

– Постой! Кто пришел после закрытия ворот, тому следует

¹ *Кибот* – искусственная гавань на берегу Александрийского залива с корабельными верфями, соединенная каналом с Мареотийским озером, располагавшимся на южной окраине Александрии и в свою очередь соединенным с дельтой Нила.

платить пеню в пользу бедных.

Пришедший бросил ему медную монету. Сторож проворно нащупал ее, схватил веревку, которой он был привязан, как цепная собака, к одному из столбов, и спросил посетителя:

– Нет ли чего-нибудь промочить горло бедняку?

– Нет, у нас стоит засуха! – отвечал вошедший.

Теперь уже без помех отворил он вторую калитку и вошел на необъятный внутренний двор, над которым темнело звездное небо.

Несколько факелов и костры, разложенные на земле, сливали свой тусклый колеблющийся свет с чистым сиянием небесных светил. Тяжелый, удушливый воздух, наполнявший это обширное пространство, был пропитан дымом и запахом только что приготовленного кушанья.

Еще на улице до слуха старика доносился отсюда неопределенный гул человеческого говора, стук посуды и треск пылающих дров. Теперь все эти разнообразные звуки слились в разноголосый гам, неприятно действовавший на нервы. Гам исходил от сотен людей, расположившихся группами и поодиночке на соломе по периметру громадного двора. Одни из них крепко спали и даже храпели, другие спорили меж собой; иной ужинал, болтал с соседями или громко пел, несмотря на поздний час.

Приют для странников был полон. Более половины его скромных гостей составляли монахи. Два дня тому назад они

стали стекаться в Александрию буквально толпами, нахлынув сюда из всевозможных схимий, лавр и обителей в пустыне. Больше всего сошлось здесь монахов из нитрийских монастырей. Некоторые из них с жаром вели беседу между собой, таинственно перешептывались, другие громко спорили. На северной оконечности двора собралась большая толпа, откуда доносилось пение молитв, возгласы игроков в кости: «Три! Четыре! Семь!» – и выкрики маркитанта, предлагавшего покупателям хлеб, мясо и лук. К задней стене двора, противоположной воротам, примыкала галерея, куда выходило несколько дверей. Они вели в комнаты, которые разделялись занавеской на две половины, переднюю и заднюю, и были предназначены для бесприютных женщин и детей.

В одну из таких комнат и вошел старик, встреченный радостными восклицаниями поджидавшей его семьи. Здесь, в переднем отделении, сидели почтенная матрона с приятным лицом и юноша, вырезавший из копайского тростника наколечник для двойной флейты.

Пришедшего звали Карнис. Он был главой странствующего семейства певцов, прибывших вчера из Рима в Александрию. Путешественники находились в стесненных обстоятельствах. Им пришлось спастись бегством от морских разбойников у африканских берегов, и при этом они потеряли остатки своего имущества. Молодой человек, владелец корабля, которому пострадавшие были обязаны своим спасе-

нием, поместил их в ксенодохиуме², устроенном для бедняков его матерью, вдовой Марией. Однако здесь им было до того неудобно, что Карнис с самого полудня отправился на поиски более подходящего жилья.

– Все мои хлопоты пропали даром! – воскликнул он, обращаясь к своим и вытирая вспотевший лоб. – Представьте себе: я обегал половину города, разыскивая Медия. Наконец мне удалось найти его у мага³ Посидония, которому он служит. Здесь было нужно петь за сценой. Сам текст песен – занудливая галиматья, но он положен на старинные мотивы с аккомпанементом флейты, вроде олимпийских песнопений. Это выходит очень недурно. На сцене у них появились привидения. Медий исполнял одну из ролей. Спектакль оказался вообще нелепостью. Я управлял хором и пел вместе с ним. Однако за труды на мою долю пришлось только несколько жалких серебряных монет, но хуже всего то, что я не подыскал квартиры! В Александрии можно получить даровое помещение разве только ночной сове, а вдобавок ко всему – еще здешние паршивые законы!..

Во время монолога Карниса молодой человек не раз весело посматривал на свою мать. Наконец он не выдержал и перебил старика:

² *Ксенодохиум* – гостиница.

³ *Магики, маги* – первоначально жрецы мидийской касты, позже в Греции так назывались мудрецы, а также кудесники, знахари, астрономы и вообще ученые люди.

– Успокойся, отец, у нас уже имеется кое-что на примете!

– У вас? – спросил тот, недоверчиво пожимая плечами, пока его жена накрывала ему ужин на скамейке за неимением стола.

– Да, отец, у нас, – продолжал юноша, отложив в сторону работу и оживляясь. – Ты помнишь: во время бегства от разбойников мы дали обет принести жертву Дионису, так как сам он попал однажды в руки пиратов. С этой целью мы отправились разыскивать его храм: матушка, Дада и я...

– Что за бессмысленное мотовство? – с досадой прервал его Карнис, обращаясь к жене, подававшей ему жаркое. – При нашей-то нищете ты готовишь мне на ужин зажаренного в оливковом масле целого цыпленка.

В его словах звучали упрек и неудовольствие, но почтенная матрона положила руку на плечо мужа и заметила ласковым тоном:

– Не унывай, мы скоро снова поправим свои дела! Право же, моря себя голодом, не скопишь ни одного сестерция⁴. Будем же наслаждаться настоящим! О завтрашнем дне позаботятся щедрые боги!

– Вот как? – усмехнулся Карнис, меняя тон. – Разумеется, если мне летят прямо в рот вместо голубей жареные курицы и даже петухи, то... Но все-таки, Герза, ты права, как всегда. Только... вы угощаете меня, как сенатора, а сами...

⁴ *Сестерций* – древнеримская серебряная, а затем бронзовая монета, чеканившаяся до III в. н. э.

Я готов биться об заклад, что вы довольствовались сегодня целый день одним молоком с хлебом и редькой. Сознаетесь откровенно?.. Итак, пускай курица обратится в фазана, а ты, жена, возьми себе лучший кусок. Девушки, наверное, уже спят? Да, ведь у нас есть и вино. Подай сюда свою чашу, мой мальчик. Принесем жертву богам! Слава Дионису!

Оба совершили небольшое возлияние на землю и выпили. После этого старик принялся с аппетитом ужинать, а его сын Орфей продолжал свой рассказ:

– Храм Диониса было невозможно отыскать, потому что епископ Феофил приказал скрыть его до основания. Какому же божеству оставалось нам после этого посвятить приготовленные цветы и хлебное приношение? В Египте мы могли почтить своими дарами одну благодетельную Исиду. Ее святилище находилось прежде у Мареотийского озера, и матушка без труда отыскала к нему дорогу. Там она разговорилась с одной из жриц. Узнав, что мы странствующие певцы, приехавшие в Александрию на поиски счастья, жрица немедленно подвела к нам незнакомую молодую женщину, закутанную в покрывало.

– Эта незнакомка, – продолжал Орфей, – пригласила нас к себе для переговоров об одном важном деле. Она тотчас уехала домой в красивой колеснице, а мы, конечно, не замедлили явиться по приглашению. Агния также была с нами. Здесь мы увидели перед собой роскошное жилище. Ни в Риме, ни в Антиохии не встречал я ничего подобного. Кро-

ме того, нам был оказан самый радушный прием. К молодой девушке, которая познакомилась с матерью, присоединились еще почтенная старушка и высокий важный господин, похожий на жреца или философа.

– Уж не угодили ли вы в христианскую западню? – недоверчиво спросил Карнис. – Этот город вам малоизвестен; здесь существует закон...

– Успокойся, отец! Роскошное жилище, куда нас ввели, принадлежит известному во всей Александрии богачу Порфирию, ведущему обширную торговлю. Пригласившая к себе мою мать девушка оказалась дочерью хозяина, красавицей Горго. Все это и еще многое другое мы узнали про своих новых покровителей, пока были у них. Там во всех залах и галереях расставлены статуи богов, а в той комнате, где мы сидели, жертвенный камень перед изображением Исиды был только что полит благовониями. Философ спросил нас, между прочим, знаем ли мы, что Феодосий⁵ издал новый закон, запрещающий девушкам петь и играть на флейте перед публикой.

– А Агния слышала это? – спросил Карнис, понижая голос.

– Она была с Дадой в саду, куда выходила комната. Мать, впрочем, сказала, что эта девушка христианка, но выказывает большую покорность, и так как она находится у нас в услужении, то обязана петь все, что ее заставят. Тогда философ

⁵ Имеется в виду Феодосий I Великий (347–395) – римский император с 379 г.

воскликнул, обращаясь к прекрасной Горго: «Вот настоящая находка!» После этого они принялись шептаться между собой, позвали девушек из сада и заставили их петь.

– Хорошо ли они выдержали испытание? – спросил старик, явно оживляясь.

– Дада заливалась, точно жаворонок, – отвечал Орфей, – тогда как Агния... Но я, право, затрудняюсь сказать что-нибудь о ее пении... Ты сам знаешь манеру этой странной девушки. Ее голос звучал превосходно, в нем чувствовалась глубина страсти и скрытая сила, но Агния всегда старалась петь как можно равнодушнее. Ей нельзя пожаловаться на жизнь у нас, а между тем каждая песня получает в ее исполнении печальный и скорбный оттенок. Тебе никак не удалось ее отучить от этого. Вообще она понравилась всем больше, чем Дада. Я заметил, что Горго и философ не спускали с нее глаз и опять долго перешептывались. Наконец, молодая девушка подошла к нам, похвалила наших певиц и спросила, можем ли мы разучить новую песню. Я сказал, что мой отец замечательный артист и в состоянии исполнить самую трудную вещь, услышав ее один раз.

– Самую трудную? Гм! Все будет зависеть от успеха, – пробормотал старик. – Горго сообщила вам название песни?

– Нет. Но это похоже на плач по усопшему. Она сама исполнила песню в нашем присутствии.

– Как! Дочь богатого Порфирия пела перед вами? – со смехом воскликнул Карнис. – Клянусь собакой: все на свете

начинает идти навыворот! С тех пор как певицам запрещено публично петь перед знатными господами, искусство пошло в ином направлении. Оно не хочет оставаться заброшенным. В недалеком будущем слушателю станут платить за внимание, а певец будет покупать себе право терзать его слух. Нашим несчастным ушам придется, я думаю, совсем скверно!

Орфей, улыбаясь, отрицательно покачал головой, снова отбросил свой нож и с жаром возразил:

– Ты сам бы заслушался пением Горго и отдал последнюю монету, только бы она спела еще что-нибудь.

– Как же! – проворчал старик. – Здесь тоже немало настоящих артистов. Так ты говоришь, что девушка исполнила плачевную песнь по умершему?

– Да, что-то в таком роде. Какое глубокое отчаяние и сила любви звучали в этой страстной жалобе! «О возвратись, возвратись обратно в дом твой!» – повторялось там несколько раз. Потом в другом месте пелось: «О если бы каждая моя слеза могла говорить понятным языком и присоединиться к моей мольбе, чтобы призывать тебя назад!» Как превосходно пропела она эти слова, отец! Мне кажется, что я никогда в жизни не слышал ничего подобного. Спроси матушку. Даже у Дады на глаза навернулись слезы.

– Да, это вышло чудесно, – подтвердила матрона. – Я все время сожалела, что тебя не было с нами.

Карнис встал с места и принялся с волнением прохаживаться по комнате, размахивая руками и говоря сам себе:

– Так вот что оказывается! Любимица муз! Большая лютня, к счастью, у нас уцелела. Отлично, отлично! Стоит надеть мою хламиду⁶ и уйти прочь отсюда, из этой отвратительной ямы! Если бы девушки не спали... но завтра Агнии надо встать как можно раньше... Расскажите мне, какова собой Горго? Высока, красива?

Герза, с удовольствием следившая глазами за своим радостно взволнованным мужем, с живостью отвечала на его вопрос:

– Горго несколько не походит ни на Геру, ни на музу! Она небольшого роста, хорошо сложена, но не особенно легка. У нее черные глаза, длинные ресницы, темные, сросшиеся брови. Я не могу назвать ее красавицей, как наш Орфей.

– Неправда, матушка, неправда! – с жаром возразил тот. – Красота – великое слово, которое я от отца научился употреблять с большой осторожностью, однако Горго... Разве она не была хороша в ту минуту, когда, подняв большие темные глаза и откинув голову, пела своим прекрасным, задушевым голосом? Гармоничные звуки лились один за другим из глубины ее сердца и возносились высоко, до самого неба. Ах, если бы Агния могла перенять у нее несравненное искусство вкладывать в пение всю свою душу! Сколько раз слышал я такой совет от тебя. Горго вполне владеет этим да-

⁶ *Хламида* – короткий плащ из плотной шерстяной материи с застежкой на плече или на груди, излюбленная одежда философов, у римлян – традиционная верхняя одежда всадников, у греков – солдат и путешественников.

ром. И как преобразилась она в то время, когда пела! Эта девушка стояла перед нами, натянутая, как тугой лук. Каждый звук срывался у нее, точно звенящая в воздухе стрела, попадал прямо в сердце и был безукоризненно, неподражаемо чист!

– Замолчи! – крикнул старик, затыкая уши. – Я и так не засну от нетерпения до самого рассвета... а тогда!.. Возьми это серебро, Орфей, бери все, у меня больше нет ни одной монеты. Ступай как можно раньше на рынок, купи лавровых ветвей, плюща, фиалок и роз. Не бери только цветов лотоса, которые встречаются здесь почти на каждом шагу. Я их не люблю: они красивы, но без аромата. Мы должны войти украшенные венками в храм нашей музыки!

– Ты вполне можешь позволить себе такую роскошь, – со смехом сказала Герза, показывая мужу блестящую золотую монету. – Это мы получили сегодня, и если все пойдет, как следует... Жена Карниса запнулась, кивая головой на занавеску, за которой спали обе девушки, и продолжала, понизив голос: – Разумеется, если Агния не сыграет с нами какой-нибудь злой шутки.

– Как так? Почему? – удивился Карнис. – Девушка добра, а я буду...

С этими словами старик хотел направиться в заднее отделение комнаты.

– Нет, нет, – сказала Герза, удерживая его. – Агния еще не знает, в чем дело. Ей предстоит вместе с Горго...

– Ну?

– Они обе должны петь в святилище Исиды.

Карнис побледнел, перейдя из области радужных мечтаний в сферу жалкой действительности.

– В храме Исиды? Агния? – растерянно повторял он. – Ей предстоит петь перед народом, а она и не знает об этом?

– Нет, отец, – отвечал Орфей.

– Нет? Тогда, конечно... Христианка Агния в храме Исиды, и это здесь, где епископ Феофил разрушает до основания святилища, а монахи стараются ему помочь в этих делах! – Дети, дети, как скоро лопаются блестящие и радужные мыльные пузыри! Знаете ли вы, что вам угрожает? Если черные мухи⁷ пронюхают об этом и дело получит огласку, то, клянусь великим Аполлоном, нам лучше было б отдаться прямо в лапы морских разбойников, а не спастись от них бегством! Но между тем, если бы я знал, как Агния...

– Пение Горго вызвало у нее слезы, – с живостью перебила мужа Герза. – Несмотря на свою обычную молчаливость, Агния сказала, возвращаясь домой: хорошо было бы научиться петь, как эта счастливая девушка!

Карнис снова выпрямился и просиял.

– Я узнаю мою Агнию! – воскликнул он с воодушевлением. – Да, да, она тоже любит божественное искусство! Она, наверное, примет предложение Горго и будет петь вместе с ней. Нам необходимо уговорить Агнию, хотя мы здесь риску-

⁷ Имеются в виду монахи-черноризцы.

ем головой. Но подумайте сами, что нам, в сущности, терять? Жизнь без радости не стоит ничего. Вам давно известно, каким приличным состоянием располагал я в прежние годы. Оно было без сожаления принесено в жертву искусству, и разбогатея я вторично, непременно поступил бы опять таким же образом, став нищим ради дорогих мне интересов. Искусство было и остается для нас неизменной святыней: мы не в силах равнодушно видеть, как его преследуют и стараются уничтожить. Его терпят теперь только при условии, чтобы этот незаменимый дар богов таился в потемках, избегал света, как саламандра, летучая мышь и ночная сова. Пусть нам грозит смерть, по крайней мере, мы умрем вместе с ним и за него. На закате дней я жажду в последний раз насладиться настоящим артистическим пением и музыкой, а потом... Дети, дети! Мы не созданы для вот такого бедного, мрачного существования. Пока среди людей жили музы, на земле цвела неувядаемая весна. Теперь их обрекли на смерть, и на нас повеяло зимним холодом. Листья опадают со всех деревьев, а между тем для щебечущих птичек нужен душистый навес из зеленых ветвей. Вспомните, как часто смерть уже касалась нас своей всевластной рукой? Каждый наш вздох – не более как подарок из милости, прибавка, которую прикидывает ткач к каждому локтю полотна, последняя отсрочка палача осужденному. Жизнь не принадлежит нам более, она стала для нас взятым взаймы кошельком с медяками! Жестокий заимодавец стоит у дверей, и когда он постучится, настанет

наш последний час. Давайте же испытаем еще раз истинное художественное наслаждение, а потом заплатим сполна весь капитал и с процентами, если это неизбежно.

– Так не следует быть и так не будет! – решительно прервала Карниса Герза, проводя рукой по глазам. – Если Агния согласится петь без всякого принуждения и по доброй воле, никакой епископ не может нас наказать.

– Не может и не посмеет! – воскликнул старик. – У нас есть на то законы и судьи!

– А дом Горго, – прибавил Орфей, – пользуется большим почетом не только за богатство. Порфирий же человек влиятельный, он возьмет нас под свою защиту. Ты не можешь себе представить, отец, какое участие мы встретили в своих новых покровителях. Спроси мать, она подтвердит тебе мои слова.

– Сегодняшнее происшествие действительно похоже на сказку, – с живостью заметила Герза.

– Перед нашим уходом хозяйка, старушка лет восьмидесяти, отозвала меня в сторону и спросила, где мы остановились. Узнав, что мы приняты в ксенодохиуме вдовы Марии, она с досадой стукнула костылем об пол и спросила: удобно ли наше жилище? Разумеется, я ответила отрицательно и даже добавила, что нам необходимо переселиться в другое место.

– Конечно, конечно! – воскликнул Карнис. – Монахи, расположившиеся здесь на дворе, прибудут нас до смерти, как

крыс, если услышат, что мы разучиваем языческие песни.

– Я именно указала на такую возможность, но старуха не дала мне договорить. Она притянула меня ближе к себе и прошептала: «Исполните желание моей внучки, тогда я позабочусь о том, чтобы вас где-нибудь хорошенько устроить, а вот это возьмите на текущие расходы». Говоря так, она опустила руку в мешок, висевший у нее на поясе, и незаметно передала мне несколько монет, после чего сказала вслух: «Вы получите от меня лично пятьдесят золотых, если Горго останется вами довольна».

– Пятьдесят золотых! – воскликнул Карнис, хлопая в ладоши. – Наша бесцветная жизнь становится немного привлекательнее ввиду такой перспективы. Итак, пятьдесят золотых нам обеспечено. Если мы пропоем шесть раз, то заработаем целый золотой талант⁸, а на эти деньги я могу выкупить наш старый виноградник близ Леонциума. Я вновь реставрирую этот маленький Эдем – сейчас его превратили в настоящий хлев, – а когда мы примемся там распевать наши песни, пусть попробуют монахи сунуть туда нос. Вы смеетесь? Глупцы вы, и больше ничего! Желал бы я знать, кто мне запретит петь на моей собственной земле? Целый талант золота! Этого совершенно достаточно для выкупа, и я непременно сторгую вместе с виноградником живущих там рабов и скот. Вы думаете, что все это лишь воздушные замки? Но

⁸ *Талант* – самая крупная единица массы (26,2 кг) и денежно-счетная единица Античности.

выслушайте меня внимательно: нам обеспечено по крайней мере сто золотых...

Карнис воодушевился и заговорил очень громко. И тут из-за занавески показалась белокурая головка, покрытая папилютками, забавно торчавшими во все стороны. Несмотря на такую странную прическу, выглянувшая девушка выглядела очень миловидно. Ее глаза еще слипались ото сна и были полужакрыты, как будто слабый свет лампочки, у которой работал Орфей, беспокоил их, но зато пухлые пурпурные губки привлекательного создания сложились в плутовскую улыбку беззаботной юности.

Между тем старик, ничего не замечая, продолжал развивать свой план выкупа имения. Тогда девушка откинула занавеску и, вытянув вперед свою полную руку, воскликнула умоляющим тоном:

– Добрый дядюшка Карнис, дай и мне что-нибудь из твоего несметного богатства: ну хоть пять жалких драхм!

Певец вздрогнул от столь неожиданной просьбы, но вслед за тем приказал:

– Ложись спать, гадкая девочка! Тебе следует спать, а не подслушивать.

– Спать? – возразила девушка. – Но ведь ты кричишь, как оратор во время бури. Только пять драхм! Я не отстану от тебя! Мне хочется купить себе хорошую ленту, она стоит одну драхму, потом я подарю такую же Агнии, что составит ровно две драхмы. На две драхмы будет куплено для нас вина, вот

и все пять драхм.

– Только четыре, мой искусный математик! – засмеялся старик.

– Будто четыре? – спросила Дада и посмотрела на всех таким удивленным взглядом, точно перед ее глазами месяц свалился на землю. – Конечно, будь у меня счеты, я бы не ошиблась! – добавила она в свое оправдание. – Итак, отец, мне необходимо пять драхм.

– Нет, четыре, и ты их получишь, – продолжал певец. – Плутос⁹ постучал в нашу дверь, и завтра вы обе будете украшены венками.

– Да, венками из фиалок, плюща и роз, – прибавила Герза. – Агния спит?

– Спит как мертвая. Она засыпает очень крепко, когда у нее нет бессонницы. Мы обе страшно устали; я и теперь чувствую себя утомленной. Надо хорошенько позевать, это облегчает человека! Взгляни, как я здесь сижу!

– На ящике? – воскликнула Герза.

– Да, а занавеска все подается, когда я обопрусь на нее спиной. К счастью, когда заснешь, то больше наклоняешься вперед.

– Но ведь в спальне, кажется, было две постели? – сказала матрона, провожая девушку обратно за занавеску, чтобы снова уложить ее спать.

⁹ *Плутос* – греческий бог богатства; изображался в виде мальчика, мужчины или старика, иногда с рогом изобилия.

Несколько минут спустя она вернулась к мужчинам и сказала:

– Наша Дада всегда такова! Маленький Папиас скатился с ящика, на котором спал, и эта добрая душа положила его на свою постель, а сама заснула сидя, несмотря на усталость.

– Для малыша она готова пожертвовать всем, – заметил Карнис. – Однако полночь давно миновала. Давай-ка, Орфей, готовиться ко сну!

Они расставили на полу три длинные корзины, служившие для хранения кур и стоявшие одна на другой у стены, покрыли их матрацами и легли. Но никто из них не мог заснуть.

Лампаду задули, и в темной комнате стало тихо. Прошло около часа, как внезапно они были встревожены необыкновенным шумом. Какой-то упругий предмет с шумом ударился о стену, и при этом Карнис гневно воскликнул:

– Прочь от меня, чудовище!

– Что здесь такое? – спросила испуганная Герза, вскакивая с постели.

– Какой-то демон не дает мне покоя! – с волнением отвечал старик. – Он приближается к моему изголовью и нашептывает мне злые слова. Постой, негодный, может быть, на сей раз я не промахнусь, – прибавил певец с раздражением и швырнул в стену другой сандалией.

Не обращая внимания на то, что она задела и с шумом уронила что-то на пол, Карнис продолжал:

– Отвратительное чудовище не хочет от меня отвязываться. Зная, что нам необходим голос Агнии, оно нашептывает мне то в одно, то в другое ухо, что я должен припугнуть ее тем, что продам ее братишку, если она не послушается. Однако я... Высеки огня, Орфей! У девушки доброе сердце, и прежде чем я решусь на такое злодейство...

– Тот же демон приходил и ко мне, – заметил молодой человек, принимаясь раздувать тлеющий трут.

– И ко мне также, – прибавила сконфуженная Герза. – Конечно, в этом христианском доме нет ни одного изображения богов. Убирайся прочь, противная змея! Мы – люди честные и не способны на мошенничество. Возьми, Карнис, мой амулет. Ты знаешь, стоит его повернуть, как все злые духи исчезнут и развеются, будто дым.

Глава II

На другое утро семейство певцов отправилось в дом богача Порфирия. Бедняжка Дада была, однако, вынуждена остаться в гостинице. Сандалия Карниса, которую он швырнул в злого духа, попала в шест, подвешенный над очагом, где сушилось только что выстиранное платье девушки. Оно упало на горячую золу и на другой день оказалось прожженным в нескольких местах.

У Дады не было другой приличной одежды, так что ей поневоле пришлось остаться дома с малюткой Папиасом.

Видя слезы подруги, Агния предлагала ей свое платье, прося, чтобы ее оставили с мальчиком, но Карнис и Герза не согласились на это. Впрочем, Дада вскоре утешилась и даже стала плести венки, после чего со вкусом перевила блестящие черные волосы Агнии красивой гирляндой из фиалок и плюща.

Мужчины уже умастили себя и надели на головы венки из тополя и лавра, когда в ксенодохиум пришел гонец, посланный за ними домоправителем Порфирия. Он настоятельно посоветовал им снять с себя эти украшения, чтобы не возбудить неудовольствия монахов во дворе гостиницы и христианского простонародья на улицах.

Повеселевший Карнис снова помрачнел.

Монахи, собравшиеся толпами в приюте вдовы Марии,

проводжали певцов недоверчивыми и враждебными взглядами. У старика было тяжело на душе, когда он проходил, опустив голову и не говоря ни слова, по узкой темной улице, ведущей к гавани Кибота. Здесь было очень многолюдно, пахло дегтем и соленой рыбой. Домоправитель Порфирия шел впереди, словоохотливо отвечая на расспросы Герзы.

Его хозяин был одним из самых богатых купцов в городе и лишился жены двадцать лет тому назад при рождении Горго. Оба его сына находились в настоящее время в отъезде. Старушка, щедро наградившая певцов вчера, была матерью Порфирия, Дамией. У нее было собственное большое состояние. Несмотря на глубокую старость, Дамия по-прежнему управляла делами и слыла необыкновенно сведущей женщиной; она занималась даже магией. Мария, набожная христианка, основавшая гостиницу Усопшего Мученика, была замужем за Апеллесом, покойным братом Порфирия, но совершенно разошлась со своим деверем и свекровью. Это было понятно: Мария стояла во главе истинно верующих женщин Александрии, тогда как дом родных ее мужа был вполне языческим, хотя хозяин принял крещение.

Карнис не слышал разговора Герзы с домоправителем. Между ним и женой шли двое рабов с флейтами и лютнями, а впереди них Орфей рядом с Агнией. Девушка упорно смотрела в землю, как бы избегая видеть то, что было вокруг, но когда юноша обращался к ней с вопросом, она робко поднимала глаза и в ее коротком ответе сквозило явное смущение.

Вскоре пешеходы достигли Агатодемонова канала¹⁰, соединявшего морскую гавань Кибот с Мареотийским озером, где становились на якорь нильские суда. Тихий северный ветерок навевал с моря освежающую прохладу. По краям канала тянулись ряды стройных пальм и густолиственных тенистых сикомор. В их ветвях весело щебетали птицы, и старый певец жадно вдыхал необыкновенно легкий и бальзамический воздух весеннего египетского утра.

На середине перекинутого через канал моста Карнис вдруг остановился как зачарованный, обратив глаза к юго-востоку.

Он поднял руки, и его влажный взгляд вспыхнул юношеским огнем. В эту минуту, как и всегда при виде поразительных красот природы или творения рук человеческих, в памяти старика воскрес любимый образ умершего сына, который успел стать другом для Карниса и целиком разделял его взгляды. Ему казалось, будто он положил свою руку на плечо этого рано угасшего юноши, наслаждаясь вместе с ним открывавшимся отсюда видом.

На фундаменте из громадных плит перед восхищенным взором певца высилось здание изумительной красоты и необъятных размеров. Оно гордо красовалось в своем великолепии, облитое золотистым утренним светом, и его благородные формы различных цветов и оттенков, казалось, и сами излучали сияние, ослепляя своей роскошью и бесконеч-

¹⁰ Агатодемонов канал – Канал доброго демона.

ным разнообразием. Над позолоченным куполом этого колосса расстилалась чистая, безоблачная лазурь африканского неба и, как солнце на горизонте, сверкал блестящий громадный полукруг. Подъезды для экипажей и ряды ступеней для пешеходов вели к зданию со всех сторон. Это был храм Сераписа, дивное творение человеческих рук. Его мощный фундамент, казалось, был создан, чтобы стоять вечно. На гигантские колонны портиков опиралась крыша огромных размеров, и сама внутренность храма по своей громадности как будто предназначалась не для ничтожных представителей человеческого рода, а для бессмертных. Жрецы и модельщики, двигавшиеся между колонн, казались крошечными детьми, которые бродят под деревьями векового леса. На венце крыши, в сотнях углублений и по бесконечным выступам, стояли статуи всех олимпийских богов, всех героев и мудрецов Греции, сделанные или из блестящей меди, или из прекрасно разрисованного мрамора. Золото и блестящие краски виднелись на всех частях этого дивного произведения зодчества. Даже большие рельефные картины на двойном поле фронтона и маленькие, в длинном ряду проrezов между триглифами¹¹, отличались замечательным художественным исполнением. Жители целого города могли бы легко поместиться здесь все вместе, и общий вид этого замечательного памятника производил впечатление стройного

¹¹ *Триглиф* – прямоугольная, снабженная вертикальными врезами каменная плита.

хора, поющего хвалу бессмертным богам устами необъятного колосса.

«Приветствую тебя в веселье и смирении, великий Серапис! Благодарю, что ты удостоил меня еще раз на закате дней увидеть божественное вечное жилище!» – набожно говорил про себя Карнис. Потом он подозвал к себе жену и сына, молча указал им на храм и, заметив, что взгляд Орфея с немым восторгом остановился на чудесных формах Серапеума, старик воскликнул с воодушевлением:

– Ты видишь перед собой благородную твердыню царя богов, великого Сераписа. Несокрушимый оплот! Его прошлое достигает половины тысячелетия, а его будущее – вечность! До тех пор пока этот храм незыблемо стоит в своем великолепии, старые боги не будут уничтожены.

– Никто и не посмеет коснуться святилища Сераписа, – перебил Карниса домоправитель Порфирия. – Каждому ребенку в Александрии известно, что вселенная не устоит на своих основах, как только святотатственная рука осмелится осквернить священное изображение божества...

– Оно само защищает себя! – с жаром воскликнул певец. – Но вы, христианские лицемеры, придумавшие ненавидеть жизнь и любить смерть, если вам хочется уничтожения всего вещественного мира, попробуйте коснуться этого божественного произведения. Осмелюсь только подступить к нему!

Карнис грозил кулаком, по-видимому, врагу. Герза также

повторяла за ним вслед:

– Осмелюсь только подступиться к Серапеуму!

– Но если вся вселенная будет разрушена, – продолжал несколько спокойнее старик, – то враги богов должны погибнуть вместе с нами, а нам не страшно умереть заодно со всем, что есть на земле прекрасного и что мы любили!

– Будьте покойны, – заметил провожатый, – епископ хотел было коснуться этого святилища, но великий Олимпий не допустил богохульников до храма, и они отступили от него с большим уроном. Наш Серапис не позволит осквернить своей святыни. Он пребывает в веках, тогда как все другое уничтожается. По словам жреца, вечность для него – только короткое мгновение, и когда миллионы человеческих поколений будут поглощены ею, он останется таким же, каков и теперь.

– Слава, слава великому богу! – воскликнул Орфей, протягивая руки по направлению к храму.

– Да, слава ему во веки веков! – повторил отец юноши. – Серапис велик, и его дом, его изображение просуществуют...

– Как раз до нового полнолуния! – прервал его с мрачной иронией проходивший мимо незнакомец, злобно погрозив величественному зданию.

Орфей вспыхнул от гнева и обернулся, чтобы наказать дерзкого за его богохульство, но тот успел затеряться в толпе.

– Как раз до нового полнолуния! – прошептала Агния,

вздрыгнувшая всем телом, когда Орфей с жаром произносил хвалу языческому божеству. Теперь она встревоженно смотрела вслед вестнику несчастья, потом ее отуманенный взгляд перешел на молодого певца. Но когда Герза оглянулась на девушку минутой спустя, ее черты приняли спокойное выражение, так что матрона искренне порадовалась, заметив на губах Агнии счастливую улыбку. Вообще по дороге на нее заглядывался не один юный александриец, потому что улыбка придавала бледному лицу молодой христианки особенное, таинственное очарование. Все, что западало в душу Агнии, надолго приковывало к себе ее мысль. Пока она шла от моста к берегу озера в ярком сиянии весеннего утра, ей живо представлялся полный месяц среди ночного неба, низвержение языческого бога и победоносное шествие небесных сил, пронесившихся бесконечными вереницами над развалинами мраморного храма. Здесь парили апостолы и мученики, а впереди их сам Спаситель в ореоле бессмертной славы. Ангельские сонмы неслись на окружавших Его светлых облаках и пели дивные хвалебные гимны, которые ясно отдавались в ушах восторженно настроенной Агнии, несмотря на шумную суету александрийской гавани.

Чудесное видение исчезло только в ту минуту, когда Агнию вели к лодке.

Герза была родом из Александрии, и Карнис провел в этом городе лучшие годы молодости, но для Орфея и Агнии здесь все представляло прелесть новизны. Выбравшись из не

слишком ей приятной уличной тесноты, молодая христианка вздохнула свободнее и стала любоваться живописными видами берегов. Изредка она обращалась с тем или иным вопросом к Орфею. Юноша не мог досыта насмотреться на все окружающее. Действительно, здесь было много замечательного. Громадные шлюзы замыкали канал, соединявший озеро с морем; в особой гавани покачивались императорские суда, поддерживавшие деятельное сообщение между александрийским гарнизоном и другими военными пунктами на Нижнем и Верхнем Ниле; в другом месте стояли красивые, разукрашенные лодки, предоставляемые в пользование комесу¹², префекту¹³ и другим высшим сановникам. Кроме того, всюду виднелось множество торговых кораблей всевозможных размеров, прибывших сюда для разгрузки.

Когда лодка прошла половину пути, матрона указала рукой на обширное пустое пространство на берегу озера и с волнением заметила мужу:

– Узнаешь ли ты это место? Куда девался наш милый старинный храм Диониса?

При этих словах Карнис так стремительно вскочил на ноги, что едва не опрокинул лодку. Домоправитель Порфирия просил его сидеть смирно, но старик не мог успокоиться.

¹² *Комес* – первоначально сопровождающий государственного сановника, в первую очередь наместника, в поездках, позднее – должность высшего сановника Римской империи.

¹³ *Префект* – титул высших должностных лиц из всадников и сенаторов в армии и на гражданской службе.

– Неужели ты думаешь, – с горечью спросил он провожа- того, – что у вас в Египте живой человек должен обратиться в мумию? Пусть другой переносит подобные вещи спокойно. Здесь совершаются постыдные, недостойные дела: от них и у голубя разыграется желчь. Такую великолепную постройку, красу и гордость Александрии, срыть до основания, разве- ять прахом! Посмотрите туда, посмотрите! Разбитые колон- ны, мраморные карнизы и капители в беспорядке разброса- ны по земле! Как совершенны были здесь статуи! Какие пре- красивые головы, какие торсы! Великие художники создали все это при содействии самих богов, а вы, ничтожные, под- стракаемые к тому демоном злобы, разрушили их творения! Что было достойно жить целую вечность, было уничтожено. Почему? Хотите узнать? Потому что христиане боятся все- го прекрасного, как сова боится света. Красота во всех сво- их проявлениях им ненавистна! Они преследуют ее, хотя бы она даже была сотворена самим божеством. Я приношу на них жалобу бессмертным, так как они вырубili даже изу- мительную рощу у храма с прохладными гротами, с вековы- ми деревьями и тенистыми уголками, полными приволья и неги, как полна зрелая ягода сладким соком!

– Все было срыто до основания, – перебил его домопра- витель Порфирия. – Император подарил святилище еписко- пу Феофилу, и тот немедленно принялся его разрушать. Сте- ны были разломаны, священные сосуды расплавлены, изоб- ражения богов преданы поруганию, прежде чем их обратили

в известку. Теперь на месте храма Диониса строится христианская церковь. Вспомните только прежнюю красивую галерею с колоннами и сравните с нею неказистую громаду из серого камня, которую сооружают теперь на ее месте.

– И почему терпят все это боги? Разве Зевс утратил свои молнии? – спросил Орфей, сжимая кулаки. Он не заметил, что Агния побледнела и притихла, как только разговор коснулся христианства.

– Зевс безмолвствует, чтобы тем чувствительнее наказать своих врагов, – сказал старик. – О эти обломки мрамора, эти развалины! Дело разрушения не требует большого искусства. Люди потеряли здравый смысл, если допускают такую дерзость. Они побросали в воду и плавильную печь сокровища, восхищавшие самих богов. Все это очень умно, в высшей степени мудро! Рыбы в озере и огонь не смогут жаловаться на дела, которых они были свидетелями. Один человек, в порыве безумной ярости, в какой-нибудь час уничтожил созданные веками творения великих талантов. Превращать в развалины, опустошать чужую святыню – вот в чем видят христиане свою славу, но им не выстроить вновь подобного храма, как не вырастить рощи, стоявшей целых шесть столетий. Посмотри сюда, Герза. Вот здесь, где чернокожие месят известь, им надели рубашки, потому что христианам ненавистны даже прекрасные формы человеческого тела – помнишь, здесь был грот, в котором мы нашли твоего бедного отца?

— Грот? — повторила матрона, взглянув влажными глазами по направлению к берегу и вспоминая тот день, когда она, будучи молодой девушкой, во время праздника Диониса спешила в храм на поиски отца. Он был искусный художник, резчик по камню, и, ради великого праздника выпив сладкого вина, вышел на улицу, чтобы по старинному александрийскому обычаю принять участие в религиозной церемонии. На следующее утро он не вернулся домой: дочь напрасно дожидалась его и в полдень и вечером. Наконец Герза решилась отправиться на его поиски. Карнис в то время был молодым богатым учеником и занимал лучшие комнаты в доме ее отца. Он встретил встревоженную девушку на дороге и присоединился к ней. Им вскоре удалось найти пропавшего в Дионисовой роще. Его холодный неподвижный труп лежал в одном из прохладных гротов, обвитых плющом. Отец Герзы умер внезапно, как будто пораженный молнией. Собравшийся народ сказал, что Дионис присоединил его к сонму подвластных ему духов. В эти тяжелые часы Карнис заботился, как преданный друг, об одинокой девушке. Несколько месяцев спустя она стала его женой и уехала с ним на его родину, в Тавромениум, на остров Сицилию.

Все это живо вспомнилось ей теперь. Ее муж также задумчиво и молча смотрел в воду, потому что те места, где совершился решительный переворот в нашей жизни, обладают свойством с необыкновенной ясностью вызывать воспоминания прошлого, когда мы увидим их после долгого про-

межутка времени.

Все присутствующие сидели, не говоря ни слова, пока Орфей не указал отцу на храм Исиды, где он встретил вчера прелестную Горго.

Старик поднял глаза на святилище, оставшееся пока неприкосновенным, и с горечью сказал:

– Варварская постройка: искусство египтян давно омертвело, а тигр пожирает только живую добычу.

– Напротив, тот храм также довольно лакомый кусочек, – возразил домоправитель, – но его нельзя коснуться, потому что он стоит на земле, принадлежащей нашей старой госпоже, а частную собственность ограждает закон. Вот здесь, на берегу, находится корабельная верфь, ее вам стоит посетить: она, пожалуй, самая обширная в целом свете. Строевой лес, который здесь употребляют: ливанские кедры, понтийские дубы, тяжелые и твердые, как железо, деревья из Эфиопии – стоят сотни талантов.

– Тоже собственность вашего господина?

– Нет, но владелец верфи – внук одного вольноотпущенного из дома Порфирия. Теперь они стали богатыми и почтенными людьми, а господин Клеменс заседает в сенате. Видите вон там человека в белой одежде? Это он сам.

– Вероятно, христианин? – спросил певец.

– Конечно, – ответил домоправитель. – Но про него нельзя сказать ничего дурного. Он хороший и дельный человек. Строгий порядок господствует здесь на верфи и еще на дру-

гой, у моря, в гавани Эвноста¹⁴. У Клеменса только один недостаток: он не терпит чужой веры и этим похож на остальных христиан. Всех купленных им рабов и даже взятых по найму людей он заставляет креститься. Его сыновья ревностно исповедуют свою веру, даже Константин, хотя он служит офицером в императорском войске и не уступает другим в военной доблести и молодечестве. Что касается нас, то мы предоставляем каждому полнейшую свободу совести. Порфирий не обращает особого внимания на различие в вере, но все корабли, необходимые для нашей зерновой торговли, строятся на верфи христианина. Вот мы и приехали!

Лодка остановилась у широкой мраморной лестницы, которая вела от озера прямо в сад Порфирия. Чем дальше подвигался Карнис в этом роскошном уголке, тем светлее становилось у него на душе, потому что здесь старые боги были у себя дома. Их изображения повсюду выглядывали из темной листвы вечнозеленых кустарников, отражаясь в зеркальной поверхности прудов; чудное благоухание несло навстречу посетителям то от украшенного венками алтаря, то от камня, только что политого благовонной мастикой.

¹⁴ То есть в Гавани счастливого возвращения.

Глава III

Семейство певцов встретило радушный прием в доме Порфирия, но занятия музыкой были отложены из-за отсутствия Дады. Как только старая Дамия узнала, почему хорошенькая белокурая головка, которой она любовалась накануне, вынуждена была остаться в ксенодохиуме Марии, она тотчас велела принести Герзе одежду своей внучки и просила матрону немедленно отправиться за молодой девушкой. С нею были посланы несколько рабов, чтобы перенести багаж путешественников на один из нильских кораблей Порфирия, стоявших на якоре у верфи. Это красивое судно имело несколько кают, где нередко помещались гости радушно-го хозяина и куда предстояло теперь на время переселиться Карнису с семьей. Лучшее помещение едва ли можно было пожелать, потому что на барке им было удобно заниматься пением, и Горго всегда могла прийти к ним, когда ей вздумается.

Старая Дамия, ее сын Порфирий и прелестная Горго были недюжинными натурами.

Хозяину дома, хорошо знавшему свет, показалось сначала, что обе женщины слишком быстро и опрометчиво сошлись с семьей неизвестных приезжих музыкантов; поэтому при первой встрече он принял Карниса довольно сдержанно; однако после непродолжительной беседы Порфирий убедил-

ся, что видит перед собой человека вполне порядочного и обладающего редким образованием. Его мать, Дамия, с первого раза почувствовала к обедневшему семейству искреннее расположение, которое еще более усилилось после того, как сегодня ночью звезды предсказали ей приятную встречу. Воля старушки была законом в доме ее сына. Карнис невольно улыбался, слыша, как она называла этого почтенного седого человека «дитя мое» и даже делала ему замечания.

Богатство Порфирия, когда он был еще молод, достигало уже такой значительной цифры, что увеличение материальных средств не могло составить никакой разницы ни для него самого, ни для близких ему людей, а между тем он поставил себе целью жизни дальнейшее обогащение. Как боец на арене публичных состязаний стремится получить почетный приз, так и этот богач мечтал о том, чтобы из года в год увеличивать итог своих доходов.

Со своей стороны, его мать не только заглядывала в счетные книги, но принимала участие в каждом крупном предприятии сына. Когда Порфирий и его помощники затруднялись в каком-нибудь важном деле, почтенной Дамии обыкновенно предоставлялось окончательное решение всех затруднительных вопросов. Ее совет большей частью оказывался вполне удачным, и это обстоятельство приписывали не столько житейской опытности проницательной старухи, сколько ее искусству угадывать будущее по звездам и с помощью магических комбинаций.

Порфирий не разделял увлечение матери занятиями в этой области, но редко противоречил выводам, к которым приводили Дамию наблюдения в обсерватории.

Во время беседы с Карнисом Дамия спросила его о происхождении Агнии. Если девушка была не совсем безупречна или состояла в рабстве, то Горго, естественно, не могла публично показаться с нею вместе, и тогда Карнису следовало разучить плач Исиды с другой певицей.

В ответ на это старик пожал плечами, предоставив обеим женщинам и Порфирию самим решать поднятый вопрос.

По его словам, Карнис три года назад жил в Антиохии, где в то время произошло мощное восстание из-за увеличения налогов. После происшедших там кровопролитий Карнис со своим семейством поспешил оставить город. Во время путешествия он однажды остановился в гостинице на большой дороге и здесь увидел Агнию, арестованную солдатами вместе с ее малюткой братом. Ночью, стараясь утешить плачущего ребенка, она подошла к его постели и запела какую-то незамысловатую песенку. Ее голос звучал так чисто и нежно, что старый певец и его жена были тронуты положением девушки. Карнис выкупил ее за недорогую цену у солдат. Он просто заплатил ту сумму, которую от него потребовали, но Агния и Папиас не были записаны рабами, и он не имел документов на владение ими. Тем не менее Карнис мог выдавать их за своих рабов и поступать с ними по праву господина, потому что торг совершился при свидетелях, которые,

в случае надобности, легко могли дать свои показания. Солдаты отбили девушку и ее малютку-брата от ожесточившейся уличной черни, а Карнис, со своей стороны, откупил их у солдат.

– И я несколько не раскаиваюсь в этом, – заключил старик, – потому что Агния необыкновенно милое и кроткое создание. О ее голосе я не говорю, так как вы слышали вчерашнее пение этой девушки.

– И оно привело нас в восторг! – воскликнула Горго. – Если бы цветы могли петь, это выходило бы так же мелодично, как у нее.

– Совершенная правда, – подтвердил Карнис.

– Голос Агнии превосходен, но ей недостает опыта. Что-то загадочное, но непобедимое заставляет эту скромную фиалку пригибаться к земле.

– Здесь играют роль ее христианские воззрения, – серьезно заметил Порфирий.

– Пусть только явится Эрос: он развяжет ей язык! – шуточно прибавила Дамия.

– Эрос, вечно один лишь Эрос! – сказала Горго с оттенком досады. – Кто любит, тот страдает и влачит цепи, а для удачного исполнения того, на что мы способны, необходимо только быть свободным, искренним и здоровым.

– Это чересчур много, госпожа, – с живостью возразил ей Карнис. – При названных тобой условиях действительно можно достичь самых лучших результатов. Но войди в поло-

жение Агнии. Разве девушка, находящаяся в услужении, может располагать собой? Ее тело здорово, это правда, но душа больна и к тому же томится постоянным страхом; христиане вечно дрожат при мысли о грехе, раскаянии, загробных наказаниях и прочих ужасах...

– Ах, мы знаем, как они отравляют себе жизнь! – перебила его Дамия. – Скажите мне, вы были приняты в гостиницу Марии ради христианки Агнии?

– Нет, благородная женщина.

– Но как же так... Ведь эта святоша оказывает благодеяния с большим разбором, и кто не получил крещения...

– В настоящем случае она дала приют и язычникам.

– Удивительно! Расскажи, как вы к ней попали.

– Мы были в Риме, – начал певец, – и по просьбе моих покровителей сын Марии, Марк, взял нас в Остии на свой корабль. В Киренее судно стало на якорь, потому что молодой хозяин хотел забрать оттуда своего брата и вместе с ним возвратиться в Александрию.

– Так Димитрий здесь? – спросил отец Горго.

– Да, господин. Он сел к нам на корабль в Киренее. Но едва мы успели выехать из гавани, как заметили две барки морских разбойников. Трирему немедленно повернули назад, но второпях посадили ее на песчаную мель. Тотчас были спущены лодки для спасения хозяев и консула Цинегия.

– Цинегий ехал сюда? – снова перебил Карниса Порфирий, вскакивая с места.

– Вчера он высадился вместе с нами в гавани Эвноста. Секретари и офицеры его свиты заполнили одну лодку, Марк и его брат со своими людьми хотели сесть в другую. Нас и остальных пассажиров оставили бы на триреме, если бы не Дада.

– Хорошенькая блондинка, которая приходила к нам вчера? – спросила Дамия.

– Та самая. Юноша Марк восхищался дорогой ее болтовней и песнями; действительно, и соловью не спеть чище Дады. Просьбы девушки тронули молодого хозяина, так что он пригласил ее ехать с ним. Однако эта добрая душа объявила, что скорее прыгнет в воду, чем поедет без нас.

– Вот как! – воскликнула Дамия.

– Хороший знак для девушки и для вас, – заметил Порфирий.

– Таким образом, – продолжал Карнис, – Марк принял нас всех на свою шлюпку, и мы снова причалили к берегу. Несколько дней спустя военный корабль благополучно доставил в Александрию Цинегия, обоих братьев и нас. Однако наше имущество было потеряно, и мы оказались в безвыходном положении. Узнав о том, Марк дал нам рекомендательное письмо, после чего мы немедленно получили приют в ксенодохиуме его матери. После того боги устроили нам счастливую встречу с благородной Горго.

– Так Цинегий здесь, точно здесь? – еще раз спросил Порфирий и после утвердительного ответа Карниса встревожен-

но сказал, обращаясь к матери: – Олимпий еще не вернулся. Он положительно неисправим! К чему такая безумная отвага, приличная разве юношам! Его легко могут поймать. Монахи бродят целыми толпами по улицам. Очевидно, готовится что-то недоброе... Сирус, сию минуту запречь колесницу! – приказал хозяин одному из слуг. – Высокий Атлас пусть будет со мною. Цинегий здесь.

В эту минуту в зал вошел закутанный человек.

– Слава богам! – воскликнул Порфирий при его появлении. Пришедший между тем сбросил с головы капюшон своего плаща и развязал большой платок, который был намотан у него вокруг шеи, чтобы скрыть длинную седую бороду.

– Вот и я! – сказал он, глубоко переводя дух. – Цинегий приехал в Александрию; дела принимают серьезный оборот, друзья мои!

– А ты был в Мусейоне? – спросил хозяин.

– Конечно, и нашел всех в сборе. Славные юноши! Они преданы нам и готовы защищать богов. Оружия у нас припасено достаточно. Евреи¹⁵ не вступятся, и потому Ония хочет действовать решительно; что же касается монахов и имперских когорт, то мы, наверное, с ними справимся!

– Да, если боги помогут нам сегодня и завтра, – задумчиво возразил Порфирий.

– Наш успех несомненен, если простой народ в деревнях и селах исполнит свою обязанность! – с воодушевлением вос-

¹⁵ Евреи составляли в то время $\frac{2}{5}$ населения Александрии.

кликнул пришедший. – Кто этот незнакомец? – прибавил он, указывая на Карниса.

– Регент певцов, виденных тобой вчера, – отвечала Горго.

– Карнис, сын Гиеро, из Тавромения¹⁶, – сказал старик, почтительно кланяясь гостю Порфирия. Величественная осанка и прекрасная голова этого человека необыкновенно понравились ему.

– Карнис из Тавромения! – радостно воскликнул тот. – Клянусь Геркулесом, изумительная встреча! Твою руку, твою руку сюда, старый приятель! А сколько лет тому назад распили мы с тобой последнюю кружку вина у старика Гиппиуса? Долгая жизнь убелила нас сединою, однако мы оба еще бодры и крепки. Ну, сын Гиеро, отгадай-ка, кто говорит с тобой?

– Ты Олимпий, великий Олимпий! – воскликнул Карнис, радостно пожимая протянутую ему руку. – Пускай все боги благословят это счастливое утро!

– Все боги! Прекрасно сказано! – заметил философ. – Значит, ты также не изменил старине?

– Мир хорош только тогда, когда им правят древние божества! – воскликнул певец в радостном волнении.

– Потому-то мы и хотим, чтобы все осталось по-старому, – с жаром прибавил его собеседник. – У нас теперь настали тяжелые времена. Мы бросили пустые споры и не ломаем

¹⁶ *Тавромений* – город на юге Италии, основанный в 396 г. до н. э. сикулами – одним из древнейших племен Южной Италии и о. Сицилия.

больше голову над вопросом: умирает ли человек в последний момент жизни или в первый момент смерти, как будто от решения подобной проблемы зависит человеческое счастье. Теперь дело идет о том, победят ли старые боги, будем ли мы по-прежнему наслаждаться мирскими благами под их охраной или склоним голову перед распятым Христом и его учением; здесь идет борьба за высшие блага человечества...

– Мне говорили, – перебил его Карнис, – что ты храбро защищал храм великого Сераписа. Противники наших богов хотели коснуться его святилища, но ты со своими учениками заставил их отступить. Некоторым из вас удалось избежать кары.

– Но мне враги показали, во сколько ценят мою голову, – со смехом перебил Олимпий. – Эвагрий обещал за нее три таланта. На эти деньги нетрудно купить целый дом и, при скромных потребностях, можно жить одними процентами с такого капитала. Ты видишь, что меня не считают ничтожеством. Благородный Порфирий дал мне у себя приют. Мне нужно переговорить с тобой, старый друг, – добавил он, обращаясь к хозяину, – а ты, прелестная Горго, не теряй из виду предстоящий праздник Исиды. Его необходимо устроить особенно блестяще по случаю приезда Цинегия. Пусть он передаст императору, пославшему его сюда, что александрийцы по-прежнему чтят своих богов. Где та девушка с большими глазами, которую я видел здесь вчера.

– В саду, – отвечала Горго.

– Она будет петь у подножия катафалка! – воскликнул философ. – Это непременно необходимо устроить.

– Если только христианка послушается нас, – озабоченно возразил Карнис.

– Она непременно должна послушаться, – убежденно подтвердил Олимпий. – Что бы сказали об искусстве риторики и логики в Александрии, если бы старому диспутанту не удалось убедить молоденькую девушку в ошибочности ее взглядов? Предоставьте мне уговорить ее. До свидания, благородные женщины! С тобой, друг Карнис, я надеюсь побеседовать после. Как могло случиться, что ты, не раз снабжавший нас в былые годы отцовскими солидами, стал содержателем труппы странствующих певцов? Мне нужно расспросить тебя о многом, дружище, но теперь я должен потолковать наедине с нашим хозяином. Пойдем со мной, Порфирий.

Во время этого разговора Агния поджидала возвращения Герзы в колоннаде, примыкавшей к дому со стороны сада. Она любила оставаться в одиночестве и сейчас с удовольствием отдыхала на мягкой скамье под украшенным позолотой и живописью навесом сквозной галереи. По обеим сторонам галереи рос густой кустарник, усыпанный лиловыми цветами. Его зеленые ветви прикрывали Агнию своей тенью. Она жадно вдыхала аромат прелестных незнакомых ей цветов, освежая себя фруктами, принесенными сюда самой Горго.

Да, здесь было хорошо, и Агния с невольной улыбкой

вспомнила жесткие корабельные сухари, лакомясь душистым персиком. Если бы она могла, как прекрасная Горго, из года в год, изо дня в день беспечно наслаждаться всеми этими чудесными вещами! Роскошный сад богача Порфирия напоминал собой Эдем, жилище первых людей, где цвела вечно юная весна. Здесь не было места страданию, слезам, жгучему раскаянию, которое терзает человеческую душу. Если бы здесь умереть!..

Но неожиданно Агния перестала любоваться окружающим; новый поток мыслей увлек ее в другую сторону. Ей было еще рано умирать, потому что малютка-брат нуждался в ее попечении. Доброе семейство Карниса, правда, заботилось о мальчике, но, к несчастью, они были язычники, враги веры Христовой: влияние подобной среды грозило гибелью невинной младенческой душе маленького Папиаса.

Агния нередко горевала при мысли, что добрый Карнис, которого она уважала как своего наставника и покровителя, заботливая Герза, веселая Дада и даже Орфей были обречены на вечные муки. Для спасения Орфея девушка была готова пожертвовать обещанным ей райским блаженством. Она ясно сознавала, что он предан язычеству не менее своих родителей, но все-таки ежедневно молилась за благородного юношу и не переставала надеяться, что с ним произойдет чудо, как некогда с апостолом Павлом, и он обратится в христианство. Агнии было хорошо с Орфеем, и она никогда не чувствовала себя такой счастливой, как в те минуты, когда

ей приходилось петь вместе с ним или под аккомпанемент его артистической игры на лютне. Если девушке удавалось забытья и излить всю душу в своем пении, Орфей, обладавший таким же тонким слухом, как и его отец, хвалил ее; эта похвала была для юной певицы лучшей наградой, и только тогда жизнь приобретала в ее глазах настоящую цену и привлекательность.

В музыке заключалась связь, соединявшая Агнию с Орфеем, и она привыкла передавать посредством звуков все то, что волновало ее душу. Пение служило для девушки красноречивым языком чувств, и она убедилась, что он доступен также и язычникам. Даже ее небесному отцу должен быть приятен такой изумительный голос, каким обладала Горго. Эта девушка была язычницей, но в ее пении заключалось все то, что испытывала сама Агния в минуту благоговейной пламенной молитвы. Ей часто говорили, что христианину не следует общаться с теми, кто служит ложным богам; но сам Господь отдал ее в руки Карниса, а христианская церковь повелевает слуге повиноваться своему господину. Что же касается пения, то юная христианка считала его особым языком, которым Бог одарил всех живых существ и даже птиц. Поэтому она беззаботно радовалась приближению той желанной минуты, когда ей будет можно петь вместе с пленительной языческой девушкой.

Глава IV

Вскоре после того как хозяин дома и философ Олимпий ушли из зала, вернулась Герза в сопровождении Дады. Молодой девушке очень шло голубое платье Горго с пряжками на плечах, посланное ей Дамией, но хорошенькая резвушка, видимо, была чем-то расстроена: ее локоны в беспорядке рассыпались по плечам и она с трудом переводила дыхание. Герза также казалась встревоженной, щеки матроны пылали ярким румянцем; маленький Папиас, которого она вела за руку, едва поспевал за ней.

Дада чувствовала себя сконфуженной не столько потому, что ее окружала здесь непривычная роскошь, сколько вследствие приказания своей названной матери держать себя вежливо и прилично в чужом доме. По знаку Герзы девушка низко поклонилась почтенной Дамии. Однако хозяйке понравился ее застенчивый, но тем не менее грациозный поклон; старушка протянула Даде руку, хотя обычно удостоивала такой чести очень немногих, и после того ласково поцеловала девушку.

– У тебя доброе сердце, Дада, – сказала Дамия. – Преданность родным вознаграждается богами и заслуживает всеобщего уважения.

Впечатлительная Дада была растрогана неожиданной лаской; она бросилась на колени перед почтенной хозяйкой,

принялась целовать ей руки и осталась сидеть у ее ног.

Горго, заметившая волнение Герзы, спросила, что с ними случилось. Жена Карниса рассказала, что на них напали дорогой монахи, которые отняли у одного из рабов лиру Дады и сорвали венки с головы девушки. Дамия дрожала от гнева, слушая этот рассказ. Ее родная Александрия, любимый приют муз, все более и более попадала под чуждое иго. Старушка снова заговорила о путешествии семейства Карниса на корабле ее внука.

– Судя по слухам, Марк должен быть необыкновенным юношей, – заметила она. – Он участвует в скачках на ипподроме наравне с молодыми грешниками, но избегает женщин, как будто готовится попасть в святые. Я что-то не решаюсь этому верить. Конечно, мать имеет на него сильное влияние, однако – всеблаженная Афродита! – ведь он сын моего прекрасного Апеллеса, а тот, если бы ему пришлось от самого Рима до Александрии любоваться такими прелестными голубыми глазами, непременно пленился бы ими, но вместе с тем пленил бы и ту, которой они принадлежат. Почему ты так зарумянилась, Дада? В конце концов, Марк таков же, как и все другие. Тебе, Герза, следует хорошенько присматривать за молодежью!

– Конечно! – воскликнула матрона. – К сожалению, это становится необходимым. Во время пути молодой господин держал себя в высшей степени скромно, а сегодня решился на такой поступок, которого я никак от него не ожидала. По-

ка нас не было дома, он незаметно пробрался в гостиницу своей матери, отворил своим ключом нашу комнату и предлагал моей племяннице бежать с ним!

Слова оскорбленной матроны были прерваны неприятным хохотом старухи; Дамия стукнула об пол своим костылем и воскликнула с жаром:

– Так вот какие грешки обнаруживаются за моим праведным внуком! Встань, милая Дада! Возьми вот это кольцо; его носила та, которая тоже в свое время была молодой и сводила с ума красивых мужчин. Подойди ко мне ближе, еще ближе, дорогое дитя!

Дада повернула к старухе свое наивное цветущее личико с любопытными глазами, и та тихонько шепнула ей на ухо:

– Вскружи хорошенько голову молокососу Марку; заставь его влюбиться до того, чтобы он забыл ради тебя все на свете. Тебе это очень не трудно сделать, а я... нет, лучше я ничего не буду обещать заранее, но если весь город заговорит о том, что сын Марии вздыхает у ног языческой певицы, если Марк среди белого дня повезет тебя кататься в собственной колеснице по Канопской улице, мимо дома своей матери, тогда, малютка, потребуй от меня, чего ты пожелаешь, и Дамия не откажет тебе!

Старуха подняла голову и сказала семейству Карниса:

– Теперь я прощусь с вами до вечера, друзья мои; ступайте в свое новое помещение на нашей барке и постарайтесь там хорошенько устроиться. Ступай и ты с ними, Дада. После мы

подыщем для вас хорошенькую квартирку в городе. Смотри же, навещай меня время от времени, моя голубка, и рассказывай свои интересные приключения. Когда я не занята, то всегда с удовольствием приму тебя, потому что между мной и тобой существует теперь очень важная тайна.

Девушка поднялась с места и со страхом взглянула на говорившую, но та приветливо кивнула ей головой, как будто между ними все было окончательно условлено, и снова протянула Даде руку; однако юная певица не поднесла ее на этот раз к губам и задумчиво последовала за теткой.

Горго догадывалась о том, что произошло между Дамией и Дадой. Как только певицы вышли из комнаты, она приблизилась к бабушке и заметила ей тоном легкого упрека:

– Белокурой красотке будет легко довести Марка до всевозможных безумств; я мало с ним знакома, но мне все-таки жаль бедного юношу. Почему он должен поплатиться за вину своей матери перед тобой?

Дамия вспыхнула от гнева и резко приказала внучке замолчать.

На палубе судна, стоящего на якоре у верфи, возле участка земли, принадлежавшего Порфирию, собралось семейство Карниса. Орфей стал свидетелем беспорядков, которые взволновали в этот день всю Александрию; дикий рев уличной черни, доносившийся издали, подтверждал его слова; но зеркальная поверхность Мареотийского озера была спокойна, отливая на солнце яркой синевой, на верфи деятельно

работали, и сизые голуби ворковали на пальмовых деревьях.

В плавучем помещении семейства певцов господствовало также самое мирное настроение. Домоправитель Порфирия позаботился об их удобстве. На обширной барке было много отдельных кают с постелями, вместительная общая зала могла служить отличной приемной, а из маленькой кухни в носовой части судна доносился приятный запах жаркого и звон посуды.

– Как здесь отлично! – сказал Карнис, с удовольствием протянувшись на мягких подушках ложа. – Подобное ложе как раз подходит таким важным господам, как мы. Усаживайтесь поудобнее, женщины! Мы здесь играем роль знатных особ и даже рабам должны показывать вид, что не имеем ничего общего с бедняками, которые теснятся все вместе вокруг глиняной чашки и вылавливают из нее куски. Наслаждайтесь, наслаждайтесь дарами нынешнего дня! Кто знает, как долго продлится наше благополучие? Ах, Герза, как все это напоминает мне доброе старое время! Как приятно после долгих лишений обедать таким образом целой семьей, на мягких кушетках, перед маленькими отдельными столиками, уставленными вкусными блюдами. И тебя, моя женушка, не мешает немного побаловать, потому что ты так долго хлопотала и заботилась о всех нас.

Жена Карниса была серьезно озабочена своим положением. Ее впечатлительный муж легко поддавался минутной радости, и потому она всегда предоставляла ему наслаждаться-

ся настоящим, предусмотрительно заглядывая вместо него в будущее. Она видела собственными глазами уличные беспорядки, начинавшиеся в Александрии, и сознавала, что они приехали сюда в недобрую минуту. Если язычники дойдут до вооруженного сопротивления христианам, то Карнис непременно примет непосредственное участие в этой борьбе, тем более что во главе недовольных стоит его старый друг Олимпий. Если христиане одержат верх, то им, открыто взявшим сторону древних богов, нечего ждать пощады от своих противников. Желание Горго заставить Агнию петь вместе с ней в храме Исиды особенно тревожило Герзу. На них запросто могли принести жалобу в том, что они ввели христианку в соблазн, заставив ее участвовать в языческом богослужении. Такое обвинение влекло за собой строгое взыскание. Вчера все это представлялось Герзе в совершенно ином свете, потому что она не знала, какие важные перемены произошли в Александрии за время ее отсутствия. Теперь христианская церковь оттеснила на второй план языческий храм, а жрец уступил первенствующее место монаху.

Разумеется, Карнис и его семейство не были простыми странствующими музыкантами, однако закон, касавшийся певцов, мог им серьезно повредить; к довершению несчастья, молодой знатный христианин влюбился в Даду. Девушка рисковала подвергнуться всевозможным неприятностям, если бы мать Марка, пользовавшаяся громадным влиянием в Александрии, узнала о том, что ее сын увлекся бедной

языческой девушкой без имени. Герза давно заметила, как странно обращалась с мужчинами, даже не различая их возраста, ее ветреная племянница. Если один из поклонников, в которых у нее никогда не было недостатка, сумел ей понравиться, то она позволяла себе обходиться с ним очень свободно; но, заметив, что их отношения зашли дальше, чем следует, девушка быстро охладевала к недавнему предмету своего расположения, стараясь удаляться от него или выказывая при встречах обидное равнодушие, доходившее иногда до невежливости. Герза старалась представить племяннице всю бестактность такого образа действий, но Дада отговаривалась тем, что не может переделать своего характера, и жена Карниса была не в силах выдержать строгого тона при забавных оправданиях легкомысленной резвухи, которой так шло невинное кокетство и милые капризы.

Сегодня Герза также не знала, на что решиться: предостеречь ли Даду против ухаживаний Марка или совсем не говорить о случившемся. Она знала, как иногда бывает опасно придавать большое значение мелочам, поэтому только вскользь спросила племянницу о том, какая тайна существует между ней и Дамией, и никак не прокомментировала уклончивый ответ сконфуженной Дады. Однако матрона догадывалась, в чем дело, решив со своей стороны удвоить надзор за девушкой. Она приняла благоразумное намерение не вмешиваться до поры до времени в отношения молодых людей и не упоминать даже имени Марка, но Карнис нарушил

все ее планы своим непрошеным вмешательством. Старый певец так развеселился после обеда, что подозвал к себе Даду и стал расспрашивать ее об утреннем происшествии. Девушка сначала было отговаривалась, но веселое настроение старика сообщалось ей самой, и она передала со всеми подробностями свою встречу с сыном хозяйки ксенодохиума.

— Когда вы ушли, — начала Дада, — я осталась одна с крошкой Папиасом. Дверь нашей комнаты была заперта мной на замок, потому что я боялась монахов, которые вскоре начали петь свои молитвы. Их монотонное, нестройное пение, вероятно, навело тоску на мальчика, так как он принялся плакать и звать сестру. Я употребляла все усилия, чтобы утешить его, но Папиас просил у меня игрушку, и тогда я выдернула из замка дверной ключ, потому что у меня не нашлось под рукой ничего другого. Мне удалось уверить Папиаса, что на ключе можно играть так же хорошо, как и на флейте. Пока он забавлялся таким образом, я вздумала посмотреть свое прожженное платье. Оно оказалось в ужасном виде, но мне пришло в голову, что его можно вывернуть, так как пятна часто бывают незаметны на изнанке.

— Я не могу поверить, чтобы ты оказалась до того наивна! — заметил, рассмеявшись, Орфей. — Это ты нарочно такой прикидываешься!

— Право, нет! — воскликнула Дада. — Такая мысль действительно мелькнула у меня в голове, точно ласточка, пролетевшая через комнату; однако я скоро убедилась, что моя зло-

получная одежда прожжена насквозь. Мне осталось только выкинуть испорченное платье. После того я влезла на скамейку перед дверью, чтобы заглянуть в слуховое окно, потому что монахи прекратили пение и как-то подозрительно присмирели. Папиас тем временем оставил игру на флейте и забрался в уголок, где Орфей писал накануне письмо в Тавромениум.

– Там стояли чернила, которые дал мне накануне смотритель ксенодохиума! – воскликнул юноша.

– Действительно стояли, – подтвердила Дада, – и когда мать вернулась домой, то Папиас преспокойно сидел перед чернильницей, обмакивая в нее палец и разрисовывая свое белое одеяние. После вы можете полюбоваться его искусным узором. Но не прерывайте меня, пожалуйста! Итак, я смотрела со скамейки во двор сквозь дверное отверстие. На дворе никого не было: все монахи куда-то скрылись. Вдруг я увидела у главных ворот стройного юношу в белой одежде с красивой голубой каймой. Старый привратник смиренно полз позади него, насколько позволяла веревка, которой он привязан к столбу, а смотритель гостиницы, разговаривая с пришедшим, прижимал к груди обе руки, как будто у него билось преданное сердце не только в левом боку, но и в правом. Молодой человек – это был, конечно, не кто иной, как наш покровитель Марк – сначала ходил по двору туда-сюда, но, наконец, решил подойти к нашей двери. Привратник со смотрителем куда-то исчезли. Помните вы малолет-

них готов, которых отец заставлял в прошлом году купаться зимой в Тибре, когда было так холодно? Сначала они подошли к реке и помочили ноги, потом убежали прочь, чтобы снова вернуться и помочить себе грудь и голову. Наконец, однако, дети все-таки прыгнули в волны, когда отец – я до сих пор вижу перед собой его неприятное лицо – крикнул им какое-то варварское слово. Марк поступил точно так же, как эти мальчики: собрался с духом и постучал в нашу дверь.

– Ему, наверное, мерещилась твоя плутовская рожица! – сказал со смехом Карнис.

– Может быть. Несмотря на его стук, я не двигалась с места, притаившись на своей скамейке. Наконец Марк спросил два раза подряд: «Разве никого нет дома?» Тут я не выдержала и крикнула: «Все ушли!» Таким образом, я выдала сама себя, но кто может сообразить все вдруг? Вам смешно? По его красивому лицу также скользнула легкая усмешка; потом он начал убедительно просить, чтобы я отворила дверь, так как ему надо переговорить со мной об очень серьезном деле. Я сказала, что мы можем разговаривать через слуховое окно. Однако Марк более прежнего настаивал, чтобы я позволила ему переговорить со мной наедине, уверяя, что от этого зависит очень многое. Через слуховое окно было невозможно разговаривать шепотом, и потому мне оставалось только спросить у Папиаса ключ от нашей двери. Между тем ребенок не понимал моего требования и не отдавал обратно ключ. После ухода Марка, когда я спросила у него «флейту»,

мальчик тотчас отыскал мне его. Я крикнула своему гостю, что ключ потерян; он, не шутя, пришел в отчаяние, однако на выручку подоспел смотритель ксенодохиума, который подглядывал и подслушивал за нами, спрятавшись за колонной галереи. Он вырос перед своим молодым хозяином, точно свалился с неба, снял с пояса связку ключей, отворил мою дверь и снова исчез, как будто его поглотила земля.

Наконец Марк приблизился ко мне. Он был сам не свой, я тоже чувствовала себя не совсем ловко, но все-таки решилась спросить, что ему нужно. Тогда юноша собрался с духом и сказал: «Мне бы хотелось...» Однако голос изменил ему. Маленький Папиас кстати вывел его из затруднения; мальчик бросился к Марку и просил подбросить его в воздух, как тот делал это на корабле. Гость исполнил его желание и потом заговорил со мной таким решительным тоном, что я невольно смутилась. Сначала он наговорил мне много лестного; я уже думала, что дело идет к признанию в любви, и спрашивала себя, следует ли посмеяться над Марком или обнять его, потому что, в сущности, он мне очень нравится своей красотой и вежливым обхождением. Однако Марк и не думал выпрашивать у меня поцелуй, но, перечислив все мои редкие совершенства, перевел речь на тебя, дядя Карнис, говоря, что ты закоренелый грешник, преданный языческим заблуждениям!

– На что я ему сдался! – весело воскликнул старый певец, делая угрожающий жест.

– Послушай, что было дальше, – продолжала Дада. – Сказать по правде, что он не отзывался о вас, то есть о тебе и о матери, непочтительно, но только предостерегал меня, говоря, что вы оба можете погубить мою бессмертную душу. Между тем я никогда не слышала от вас о другой Психее, кроме той, которая была возлюбленной Эроса.

– Ты не поняла хорошенько, о чем толковал тебе Марк, – возразил Карнис, переходя на серьезный тон. – Помнишь, во время пения я иногда говорил тебе, чтобы ты настроила свою душу на более возвышенный тон. Для женской души музыка представляет лучшую школу, и если этот самонадеянный юноша, который легко мог бы быть моим внуком, еще раз явится к тебе со своими глупыми наставлениями, то скажи ему...

– Ей нечего с ним разговаривать, – резко перебила мужа Герза. – Мы не хотим знать христиан! Дада – дочь моей родной сестры, и я желаю, я решительно требую, чтоб она прогнала от себя прочь бессовестного Марка, если он еще раз осмелится к нам прийти.

– Кто может разыскать нас здесь? – заметила Дада. – Кроме того, вы напрасно приписываете Марку бесчестные намерения. Этот странный юноша хлопочет не обо мне, а о том, что он называет моей душой; он предлагал отвести меня во все не в свой дом, а к другому человеку, который, по его словам, мог бы стать врачом моей души. Я люблю посмеяться, но все, что говорил Марк, звучало так торжественно, так убе-

дительно и серьезно, что, слушая его, мне было не до шуток. Наконец я ужасно рассердилась; видя, что все его доводы пропали даром, юноша пришел в отчаяние. Когда мать вернулась домой, наш знатный гость стоял передо мной на коленях, умоляя меня бежать с ним.

— И я немедленно дала ему понять, как неприлично его поведение, — самодовольно заметила Герза. — Он толкует о бессмертной душе, а сам мечтает овладеть красивой девушкой. Я хорошо знаю лицемерных христиан и предвижу, к чему клонится дело. Для достижения своей цели Марк прибегнет к покровительству закона, а когда ему удастся отнять Дадду, он запрет ее в монастырь, как они называют свои печальные темницы, где нашей резвушке предстоит узнать много такого, что придется ей далеко не по вкусу. Там уж не позволят распевать песни, болтать и веселиться. Если Дада благоразумна, то она будет старательно избегать Марка до тех пор, пока мы не уедем из Александрии, на что нам необходимо решиться поскорее. Я полагаю, Карнис, что ты не станешь отрицать этого.

Слова Герзы звучали так убедительно и серьезно, что Дада с озабоченной миной опустила глаза, а старик задумчиво поднялся со своего места.

Однако он не успел хорошенько обсудить вопрос, поднятый женой, потому что в эту минуту к нему пришел домоправитель Порфирия. Горго прислала его за Карнисом и Агнией, чтобы разучить с ними «Плач Исиды». Герза с племян-

ницей не были приглашены и потому остались на барке.

Герзе оставалось кое-что устроить в своем новом помещении, а Дада вышла на палубу. Работы на верфи привлекли ее внимание. Но пока взволнованная девушка рассеянно смотрела на плотников, работавших на корабельной верфи, легкая лодочка пристала к берегу возле самой барки, и оттуда выпрыгнул предводитель императорских латников. Это был необычайно красивый мужчина. Правильные черты его лица дышали благородством, из-под блестящего шлема выбивалась волна черных, как смоль, кудрей. Судя по напоминающему кинжал мечу, висевшему у него на боку, он носил звание трибуна или префекта кавалерии. Благодаря каким подвигам этот воин в чешуйчатом панцире, не принадлежавший к сословию патрициев, мог добиться такой высокой чести? Выйдя на берег, латник стал осматриваться вокруг и встретил устремленный на него взгляд молодой девушки. Дада вспыхнула; юноша, по-видимому, также был удивлен ее присутствием на барке; он почтительно поклонился ей по-военному и пошел к корпусу большого корабля, строившегося на верфи. Несколько мастеров были заняты измерением его остова, еще не обшитого досками.

Здесь стоял пожилой человек почтенной наружности, в котором Дада еще раньше узнала хозяина верфи. Молодой воин подбежал к нему и с радостным восклицанием бросился обнимать старика.

Девушка не могла отвести от них глаз, пока они оба, дер-

жась за руки и разговаривая между собой, не скрылись в большом доме позади верфи.

— Красивый мужчина! — повторяла Дада.

Однако, поджидая его возвращения, она не забывала оглядываться на дорогу, откуда мог явиться Марк. От нечего делать девушка принялась сравнивать обоих юношей. В Риме она видела немало красивых офицеров, и сын хозяина корабельной верфи не особенно отличался от них. Между тем Дада никогда не видела юноши, подобного Марку, и едва ли могла встретить ему равного. Имперский латник был красивым деревом между другими великолепными деревьями, но Марк обладал какой-то особенной привлекательностью. И пока девушка старалась объяснить себе, чем же все-таки он отличался от других и почему этот странный юноша внушает ей особую симпатию, его образ так живо представился воображению Дады, что она забыла все на свете.

Глава V

Карнис и Агния долго не возвращались. Одинокое сидевшей на палубе девушке наконец надоело поджидать возвращения латника; поиграв немного с малюткой Папиасом, как с комнатной собачкой, Дада почувствовала нестерпимую скуку. Вернувшись домой перед наступлением вечера, Карнис вспомнил, что обещал своей приемной дочери показать Александрию. Однако Герза велела племяннице отложить прогулку до следующего дня. Тогда напряженные нервы девушки не выдержали; Дада принялась рыдать и бросила в воду веретено, поданное ей теткой, говоря, что она не раба и непременно убежит отсюда, чтобы поискать себе развлечения на стороне. Герза рассердилась и сделала ей строгий выговор. Это окончательно вывело Даду из себя. Она вскочила на ноги, закуталась в платок и уже хотела сойти с барки на берег, но Карнису удалось вернуть безрассудную девушку обратно.

– Подумай, дитя мое, как я сегодня устал! – заметил старик. Эти слова тотчас образумили Даду. Она даже постаралась весело улыбнуться дяде, но ее заплаканные синие глаза все-таки смотрели печально. Девушка сочла за лучшее забиться в отдаленный угол, чтобы там потихоньку выплакать свою горе. Такая картина глубоко тронула Карниса; ему захотелось утешить Даду и ласково погладить ее золотистые куд-

ри. Однако он удержался от этого, но подошел к своей жене и шепнул ей что-то на ухо. После того старый певец объявил, что готов вести Даду через Канопскую улицу в Брухейон.

Девушка весело засмеялась, провела рукой по влажным глазам, бросилась Карнису на шею и воскликнула, целуя его морщинистые щеки:

– Ты, право, добрее всех на свете! Одевайся скорей; возьмем с собой и Агнию, ей также нужно показать город.

Но молодая христианка предпочла остаться на корабле, так что Карнис и Дада отправились на прогулку только в сопровождении Орфея. Молодой человек решил им сопутствовать, опасаясь нападения. Хотя войскам удалось восстановить на улицах порядок, но в Александрии все-таки было беспокойно.

Закутанная в покрывало и одетая очень скромно, Дада была вне себя от восторга. Здесь на каждом шагу попадались здания, похожие на роскошные дворцы. По линии домов шли крытые колоннады. Широкий тротуар для пешеходов, осененный сикоморами, разделял дамбу на две половины. По обеим сторонам этого прекрасного запруженного народом бульвара проезжали туда и сюда колесницы, запряженные превосходными лошадьми, и мчались статные всадники. Трудно было представить себе более оживленную и красочную картину.

Даже Рим не мог похвалиться такой роскошной улицей. Дада громко выражала свой восторг, но Карнис не разделял

ее чувств. Его возмутило, что христиане уничтожили фонтан, стоявший посередине бульвара. Здесь находилась прекрасная статуя, представлявшая реку Нил в виде почтенного старца, на которого весело карабкались прелестные детские фигуры. Столбики с головой Гермеса, стоявшие по обочинам проезжей части улицы, также были частью уничтожены, частью изуродованы. Орфей разделял неудовольствие отца, которое достигло своего апогея, когда они увидели на постаментах у входа в одно особенно красивое жилище грубо изваянных мраморных агнцев с тяжелыми крестами на спине. Прежде здесь были дивные статуи Деметры¹⁷ и Афины-Паллады, работы Антифила, служившие лучшим украшением улицы. Карнис с восторгом заранее описывал их Орфею и был поражен, не найдя статуй на прежнем месте.

– Готов поклясться, – воскликнул с горечью старый певец, – что эти великолепные произведения искусства разбиты в куски и обращены в мусор. Раньше здесь жил богатый купец Филипп, торговавший зерновым хлебом. Постой! Чуть ли не он был отцом нашего нового покровителя Порфирия.

– По крайней мере, я слышал, – с живостью перебил Орфей, – что его отца звали Филиппом.

– Вероятно, мы не ошиблись, – прибавил Карнис. – Изображение Деметры указывало на изобилие хлебных злаков, которому этот дом обязан своим благосостоянием, а статуя

¹⁷ *Деметра* – греческая богиня земледелия и плодородия.

Афины-Паллады – на занятия наукой, любимой владельца-ми. Когда я здесь учился, каждое состоятельное семейство принадлежало к особой философской школе, и Филипп вообще не представлял собой исключительного явления. Каждый еврей и язычник, вел ли он торговлю или жил процентами с наследственного капитала, непременно интересовался более глубокомысленными вопросами, чем цены на его товар и финансовые операции.

Во время этого разговора Дада оставила руку своего провожатого и приподняла покрывало. В ворота, украшенные изображением агнцев, вошли двое мужчин; в одном из них девушка тотчас узнала Марка.

– Посмотри, дядя, это он! – воскликнула Дада гораздо громче, чем следовало. Старик обернулся и, увидев юношу, сказал Орфею:

– Теперь не остается никакого сомнения: Порфирий и Апеллес, отец молодого христианина, были родными братьями. Филипп назначил в наследство свой дом на Канопской улице последнему, потому что он, вероятно, был старшим, а теперь им владеет его вдова Мария, которая дала нам приют в ксенодохиуме. Я должен отдать тебе справедливость, милое дитя, – прибавил Карнис, обращаясь к племяннице, – ты умеешь выбирать себе поклонников из хорошего семейства.

– Разумеется! – со смехом подтвердила девушка. – Но зато важные господа отличаются высокомерием. Марк не хочет даже взглянуть в нашу сторону. Вот он с каким-то другим

молодым человеком дожидается, пока им отворят... Пойдем дальше, дядя!

Войдя в переднюю отцовского дома, Марк сказал своему спутнику умоляющим тоном:

– Пойдем еще раз к моей матери, тебе не следует уезжать, не помирившись с ней!

– Вот даже как! – сурово усмехнулся тот. – Она настаивает на своем, а я также не намерен уступать ей. Вы найдете себе лучшего управителя, чем я. Пусть земля поглотит меня, если я останусь еще минуту между этими обезумевшими людьми! Завтра поутру меня здесь не будет. Кроме того, Мария – твоя мать, а не моя.

– Но все-таки она была женою твоего отца, – возразил Марк.

– Прекрасно, – отвечал молодой человек, – поэтому я зову тебя своим братом. Что же касается ее... Если мачеха сделала для меня кое-что хорошее, то я отплатил ей за все благодеяния, проработав на вас десять лет. Мы не понимаем друг друга и никогда не научимся понимать.

– Однако, Димитрий... Послушай, что я тебе скажу, и не смейся надо мной! Сегодня я был в церкви, чтобы помолиться о тебе... Ведь ты также получил крещение и принадлежишь к Христову стаду...

– К сожалению, да. Вы, кажется, собрались довести меня до бешенства своим слащавым смирением? – с досадой воскликнул старший брат. – Я привык стоять на собственных

ногах, и эти мозолистые руки делают только то, что здравый смысл признает нужным.

– Нет, мой Димитрий, нет! Вот видишь, ты до сих пор в душе не отрешился от язычества!

– Конечно! – отвечал молодой человек с возрастающим недовольством. – Однако ты бросаешь слова на ветер, а мое время рассчитано. Сейчас пойду укладываться и, ради тебя, заверну проститься с твоей матерью, тем более что мне необходимо представить ей счетную книгу. Возле Арсинои я владею порядочным участком земли, который составляет мою собственность. Мне надоело быть под командой женщины. Твоя мать вмешивалась во все мои дела, хоть я гораздо лучше ее знаю в них толк. Пока до свидания, маленький Марк. Не забудь доложить мачехе о моем визите. Я намерен явиться к ней ровно через час.

– Димитрий! – воскликнул юноша, делая новую попытку удержать брата, но тот освободился от него резким движением и быстрыми шагами пошел через внутренний двор, где слышался плеск фонтана, окруженного цветочными клумбами. Сюда выходил и ряд комнат роскошного дома, и Димитрий отправился на свою половину.

Марк с грустью смотрел ему вслед. Личные чувства и образ мыслей обоих братьев были слишком различны, чтобы они могли тесно сблизиться между собой. В самой наружности молодых людей существовало так мало общего, что их близкое родство казалось невероятным. Марк был строен и

худошав, Димитрий, напротив, отличался атлетическим сложением.

После ухода старшего брата Марк отправился к матери. Мария имела привычку проводить эти часы в просторной комнате на женской половине, откуда ей было удобно наблюдать за рабынями, занимавшимися ткацкой работой в мастерских, устроенных позади обширного зала.

Сын нашел хозяйку дома в оживленной беседе с пожилым священником почтенной наружности с кроткими чертами лица. Марии было уже за сорок лет, но она все еще оставалась красивой женщиной. От нее Марк унаследовал стройность и высокий рост, узкие плечи, привычку держать себя слегка нагнувшись вперед, тонкие черты, белую кожу и мягкие волнистые волосы, черные, как вороново крыло. Сходство матери с сыном было еще заметнее, потому что оба они носили на голове золотой обруч; только черные глаза Марии смотрели особенно умно и проницательно, а подчас даже несколько жестоко, между тем как задумчивые голубые глаза Марка придавали его лицу почти женственную прелесть.

Предмет разговора между хозяйкой и гостем, вероятно, был очень серьезен, так как когда сын вошел, щеки Марии горели легким румянцем и тонкие пальцы нетерпеливо постукивали по спинке кушетки, на которой она лежала.

Марк сначала поцеловал руку священника, потом руку матери и, осведомившись с сыновней предупредительностью

о ее здоровье, сказал, что Димитрий придет проститься с нею.

– Как это учтиво с его стороны, – холодно заметила Мария. – Тебе известно, почтенный отец, что я от него требую и в чем он мне отказывает. Какой странный народ эти земледельцы! Можешь ли ты объяснить мне, почему они более всех противятся принятию христианства? Мы, городские жители, не стоим так близко к природе, и наше благосостояние не зависит до такой степени ощутимо и ясно от воли Создателя. Почему именно они обнаруживают подобное необъяснимое упорство?

– Потому, что смотрят на дело с точки зрения выгоды, – ответил священник. – Их поля приносили урожай и при старых богах, а если они уверуют в Отца нашего Небесного, которого не могут видеть, в противоположность своим идолам, то все-таки не получат более обильной жатвы.

– Вечные заботы о земных благах, о тленном богатстве! – со вздохом перебила маститого священника хозяйка дома. – Димитрий умеет особенно красноречиво защищать языческие заблуждения своих преданных слуг. Если у тебя есть время, отец мой, то оставайся у нас и помоги мне разубедить его.

– Я и так оставался у вас слишком долго, – отвечал священник, – епископ требует меня к себе. Мне хотелось бы переговорить с тобою, Марк. Приходи в мой дом завтра поутру. Благословение Божие над вами, возлюбленные, о Господи!

Старец поднялся с места, и когда протянул руку хозяйке, то она отвела его немного в сторону, сделав знак сыну, чтобы он оставался на месте.

— Марк не должен знать, что мне известно его заблуждение, — шепотом сказала Мария священнику. — Пристыди его завтра хорошенько. Что касается девушки, то я сама разделяюсь с ней. Неужели Феофил не может уделить мне свободной минуты?

— Едва ли, — отвечал старик. — Теперь в Александрию приехал Цинегий, и ты можешь себе представить, как важно для епископа и для нашего дела воспользоваться такой благоприятной минутой. Поэтому советую тебе не настаивать на свидании с Феофилом. Если он и примет тебя, то — поверь мне — ни за что не исполнит твоей просьбы.

— Ты думаешь? — заметила хозяйка, с грустью опуская глаза. Но с уходом гостя Мария подняла взгляд с выражением твердой решимости. Позвав к себе сына, с которым она очень долго разговаривала накануне о его поездке в Рим, матрона стала расспрашивать о том, что говорил ему Димитрий, как Марк находит своих коней, намерен ли он принять участие в предстоящих бегах и чем занимался сегодня. При этом от матери не ускользнуло легкое замешательство Марка и его желание свести разговор на свое путешествие и сегодняшнее посещение ксенодохиума. Однако Мария всякий раз старалась уклониться от этого предмета, не желая допустить откровенного признания со стороны сына.

Рабы уже давно внесли в комнату и поставили на возвышения серебряные тройные светильники, когда явился Димитрий.

Мачеха встретила его очень дружелюбно и принялась расспрашивать молодого человека о ничего не значащих вещах. Он отвечал ей, едва скрывая свое нетерпение, потому что пришел сюда только по делу. Мария заметила его досаду, но ей нравилось из каприза задерживать пасынка.

Но бессодержательный разговор с мачехой скоро надоел Димитрию. Он развернул счетную книгу и откровенно сказал, что у него едва достанет времени переговорить о серьезных делах. С этой целью молодой человек передал через Марка, что не может принять предложение мачехи. Теперь он хотел окончательно решить вопрос: продолжать ли ему заниматься хозяйством в общем имении или ограничиться своим небольшим поместьем. Если Мария будет настаивать на прежнем требовании, то Димитрий сложит с себя полномочия, хотя все-таки с полной готовностью познакомит нового управляющего, который займет его место, с необходимыми условиями успешного хозяйствования в их имении. Это его последнее слово, однако ради Марка он не желает совершенно расходиться с мачехой.

Димитрий говорил серьезно и хладнокровно, но в его тоне ясно проглядывала горечь. Это не ускользнуло от внимания Марии. Отвечая пасынку, она заметила, что личная неприязнь, которую питал к ней Димитрий, пожалуй, была здесь

главной причиной их размолвки.

– Я многим обязана твоему трудолюбию и с удовольствием выражаю свою признательность, – добавила мачеха. – За имение в Киренаике, как тебе известно, было заплачено наполовину моими собственными деньгами, принесенными мной в приданое, наполовину деньгами твоего отца, и потому эти земли принадлежат вам обоим – тебе и Марку. Однако отец в духовном завещании предоставил их в мое полное распоряжение. Несмотря на твои молодые годы, после его смерти я передала тебе управление этой собственностью в память покойного мужа. Пока ты вел хозяйство, доходы с него значительно увеличились. Я уверена, что ты способен достигнуть еще более высоких результатов, но мне необходимо во многом изменить прежние порядки, хотя бы это привело к денежным потерям. Я христианка, – воскликнула Мария, – я всей душой предана своей религии! Вся моя жизнь, все стремления посвящены Господу. Что мне в том пользы, если я приобрету все сокровища мира, а душе своей нанесу вред? Между тем моя душа непременно погибнет, если я буду обогащаться трудами языческих земледельцев и рабов, поэтому я пришла к твердому решению, чтобы люди, работающие на нашей земле, или приняли христианство, или оставили нас.

– Это значит... – с жаром воскликнул Димитрий.

– О постой, я еще не договорила, – прервала его мачеха. – Что касается крестьян, арендующих в имении участки зем-

ли, то они – как ты мне сказал накануне – упорно придерживаются язычества. Мы дадим им время на размышление, а потом годовой контракт будет возобновлен только с теми из них, которые согласятся отказаться от идолопоклонства и креститься. Если они уступят нашему требованию, это послужит к их пользе в здешней и загробной жизни, если же нет, то мы заменим их на следующий год арендаторами-христианами.

– Как я заменяю этот стул другим! – воскликнул с горьким смехом Димитрий, подняв тяжелую бронзовую мебель и с грохотом бросив ее на твердый мозаичный пол.

Мария вздрогнула от испуга и продолжала с возрастающим волнением:

– Мое тело может содрогаться, но душа тверда во всем, что касается ее вечного спасения. Я хочу уничтожить всякий языческий храм, всякое изображение божества садов и полей, всякий идольский жертвенник и священный камень, которые служат нечестивому культу крестьян на моей земле. Все это должно быть скрыто до основания, раздроблено на куски, ниспровергнуто! Вот чего я требую, и мое неизменное решение будет исполнено в Киренаике тобой или другим уполномоченным.

– Я никогда не сделаю ничего подобного! – громко воскликнул в свою очередь Димитрий. – Разве можно сдуть, как легкое перышко, приставшее к платью, такие предметы, которые были священны и дороги людям в продолжение целых

тысячелетий? Это тяжелая задача мне не по силам. Поезжай в Киренаику и приведи в исполнение свой план сама: тебе ничего не стоит поступить таким образом!

– Что ты хочешь этим сказать? – гордо выпрямляясь, спросила Мария.

– Да, ты, конечно, лучше всякого другого приведешь в исполнение такую жестокость, – подтвердил молодой человек, нимало не смутившись от грозного взгляда мачехи. – Сегодня я вздумал поискать статуи наших предков, – продолжал он, – почтенные изображения людей, которых мы любили в детстве, отцов и матерей наших, создавших величие нашего рода. Где они теперь? Там же, где ты бросила благороднейшие украшения этого дома, всей Канопской улицы, целого города: дивные статуи Деметры и Афины-Паллады. Все эти сокровища искусства отправились в печь для пережигания извести. Старик Фабис со слезами рассказывал мне об этом. Несчастный дом, у которого отняли его прошедшее, его красоту и охрану!

– Но взамен этого я дала ему нечто лучшее! – возразила Мария, обменявшись с Марком сочувственным взглядом. – В последний раз спрашиваю тебя: согласен ты сделать то, что я требую, или нет?

– Разумеется, нет! – решительно отвечал Димитрий.

– Тогда я поищу нового управителя для наших поместий.

– И ты найдешь его, но твоя земля, принадлежавшая также и мне с братом, придет в запустение! Если ты разру-

шишь святыни полей, то убьешь их душу. Первые поселенцы, принявшиеся возделывать дикую пустыню, собирались вокруг священного жертвенника. При своих полевых работах земледелец вполне основательно возлагал надежду на полевые божества. Он молился им, принимаясь сеять хлеб для своей семьи. Вместе со священными предметами ты разрушишь надежду крестьянина, а вместе с ней отнимешь у него все радости жизни. Я знаю заранее – земледелец будет думать, что его труд пропадет напрасно, когда ты лишишь его богов, посылающих изобилие. Во время посева ему необходимо на кого-нибудь надеяться, при росте плода он хочет видеть перед собой божество, способствующее плодородию, при жатве у крестьянина является потребность излить перед кем-нибудь чувства благодарности. Ты отнимешь у него все, что придает землепашцу бодрость, поддерживает его и вносит счастье в трудовую жизнь, если решишься разрушить изображения богов, храмы, жертвенники и священные камни.

– Но мы дадим ему взамен этого другие, лучшие святыни! – возразила Мария.

– Позаботьтесь прежде подготовить простой народ к принятию христианства, – серьезно заметил пасынок. – Заставьте его предварительно полюбить вашу религию, уверовать в то, чему вы поклоняетесь, надеяться на помощь свыше. Но не отнимайте у него насильственно самого дорогого в жизни, пока он не согласится добровольно изменить старине и

принять новую веру. Я сказал все, что считал нужным тебе сказать. Теперь позволь мне уйти. Нам обоим в данную минуту невозможно хладнокровно говорить о будущем. Только относительно одного пункта мы пришли сегодня к окончательному соглашению: я не буду больше управлять поместьями в Киренаике!

Глава VI

Покинув мачеху, Димитрий не терял понапрасну времени. Он позвал к себе греческого раба, приехавшего с ним в Александрию, и продиктовал ему несколько писем, так как сам он не особенно свободно владел пером. В письмах говорилось о его отъезде в Киренаику и намерении лично управлять своим небольшим поместьем. Когда эти послания, свернутые в трубочку, перевязанные шнурком и запечатанные, были положены перед ним на столе, они показались Димитрию пограничными камнями на его жизненном пути.

Молодой человек прохаживался взад и вперед по комнате, думая о том, что ожидало рабов и земледельцев, которые долгое время были для него верными слугами и сотрудниками. Он успел внушить им неограниченное доверие к себе и был искренно расположен ко многим из них.

Димитрий не мог представить себе жизни этих людей, их деятельности, их праздников без статуй богов, без жертвоприношений, без венков и веселых песен. Они казались ему детьми, которым вдруг запретили играть и смеяться. Молодому человеку снова пришло на память собственное детство. Он вспомнил тот день, когда первый раз пошел в школу, где его посадили за ученье, между тем как раньше он ничего не знал, кроме ребяческих забав в отцовском саду.

Неужели этот мир дошел в настоящую минуту до того

рубежа в своем духовном развитии, где кончается свобода и беспечное наслаждение жизнью, уступая место тяжелой борьбе за высшие блага?

Если в Евангелии заключается истина и то, что в нем обещано, должно исполниться, то не благоразумнее ли пожертвовать некоторыми земными радостями, чтобы приобрести нетленные сокровища за гробом? Немало хороших и благоразумных людей, известных Димитрию, и даже сам царь, мудрый Феодосий, всей душой предалися учению Христову. Димитрий знал по опыту, что вера его матери, в которую он был обращен еще мальчиком, служит для всех бедных и несчастных источником истинного утешения. Только впоследствии молодой человек охладил к христианству, ожесточившись на слабохарактерного отца и властолюбивую мачеху.

«И зачем заставлять креститься простых земледельцев, которые довольствуются немногим? Разве они могут искать чего-нибудь вне своих языческих верований? – думал он. – Эти люди крепко держались старины, и едва ли что-нибудь заставит их добровольно отказаться от веры своих отцов, от благочестивых обычаев, вносивших радость и довольство в их существование. Зачем им жертвовать всем этим ради неизвестного будущего, когда они и без того чувствовали себя счастливыми, не страшась загробных наказаний?»

Димитрий не раскаивался в своем решении, но был уверен, что мачеха, несмотря на все его протесты, не замедлит

осуществить свой замысел и велит разрушить на принадлежащей ей земле все храмы, все мраморные изображения, все уютные гроты и алтари, умащенные благовониями и украшенные дарами набожных молельщиков. Все эти священные предметы, обреченные на гибель, представились теперь во-ображению молодого человека, и его томило грустное пред-чувствие.

Он имел привычку начинать день с зарей и рано ложиться спать. Теперь, после пережитых волнений, его также клонило ко сну, но Димитрий не успел затвориться в своей спальне, как в комнату вошел Марк, прося уделить ему час времени для серьезного разговора.

– Ты сердишься на свою мачеху, – сказал юноша, сопровождая свои слова умоляющим и грустным взглядом, – но ведь тебе известно, что она готова пожертвовать всем для своей веры. Как горько ты улыбаешься, Димитрий! Но попробуй стать на мое место; я безгранично предан матери, и ты в свою очередь дорог мне, как любимый брат, поэтому мне тяжело видеть вражду между вами. Сегодня я так много перестрадал!

– Бедный мальчик, – с участием заметил Димитрий. – Не думай, что я обвиняю тебя в чем-нибудь. Кроме того, вы с матерью по-своему совершенно правы. Долой языческие святыни! Пусть гибнут с голоду те, кто не разделяет наших мнений! Но как бы вы ни смотрели на этот вопрос, здесь дело не обойдется без насилия, пожалуй, даже без кровопро-

лития. Для вас, конечно, это не имеет большого значения, но у меня сжимается сердце при мысли о будущем наших рабов и арендаторов с их женами и детьми. Каждого из них я знаю по имени, каждый при встрече со мной ласково приветствовал меня или целовал край моей одежды. Многие из этих людей приходили ко мне в слезах и возвращались домой веселыми. Клянусь Зевсом, до сих пор никто не мог упрекнуть меня в малодушии, но сегодня мне изменила моя обычная твердость. Желчь невольно закипает у меня в сердце, когда я спрашиваю сам себя: во имя чего совершаются подобные вещи?

– Во имя святой веры, Димитрий. Все это делается для спасения крестьян, живущих на нашей земле.

– Неужели? – иронически возразил старший брат. – В таком случае следовало бы строить церкви и часовни, посылать в языческие поселения почтенных христианских пастырей, вроде Евсевия, и стараться обращать неверующих к истинному Богу с помощью той всеобъемлющей христианской любви и милосердия, о которых вы так много толкуете. Сегодня утром я убедительно советовал твоей матери поступить именно таким образом. Я думаю, что подобными средствами она могла бы вернее достичь своей цели, хотя, конечно, не сразу. Крестьянин, понемногу приученный к церкви и получивший понятие о новой, лучшей религии, сам добровольно пожертвует прежними святынями, добровольно откажется от своего языческого культа. Я видел тому тысячи при-

меров и ничего не имею против такого способа распространения христианства. Но неблагоприятно сжечь старый дом, не приготовив даже необходимых строительных материалов для нового жилища. Вот что я называю легкомысленным и жестоким. Такая умная женщина, как твоя мать, не стала бы настаивать на исполнении своего безрассудного плана и приняла бы мой совет, если бы она вполне беспристрастно отнеслась к настоящему делу. Но я убежден, что здесь кроется совершенно иная цель, кроме интересов христианской религии.

– Ты думаешь, что моей матери хочется прежде всего устранить тебя? – с живостью перебил его Марк. – Но ты ошибаешься, жестоко ошибаешься, Димитрий! То, что сделано тобой в наших поместьях...

– Здесь идет речь вовсе не о моих заслугах! – в нетерпении воскликнул старший брат. – Спустя какой-нибудь год в обширных имениях благочестивой Марии не останется ничего, что напоминало бы о языческих богах. Вот настоящая цель этого обращения в христианство против воли. Достигнув желаемого, моя мачеха пойдет с такой радостной вестью к епископу, сознавая, что она приобрела еще новый шанс причислить своего мужа к праведникам. Поверь, мне хорошо понятно, в чем коренится ее необыкновенная ревность к религии!

– Вспомни, о ком ты говоришь! – воскликнул Марк, поднимая глаза с выражением грустного упрека.

Старший брат тряхнул курчавой головой и продолжал более мягким тоном:

– Признаюсь, дитя мое, я совсем забыл о многом, и очень может быть, что я не прав, но мне слишком трудно мириться с теми противоречиями и неожиданностями, которые поражают меня в этом доме на каждом шагу. По словам старика Фабия, здесь пущены в ход всевозможные средства, чтобы причислить нашего покойного отца к праведникам.

– Мать убеждена, что он умер за веру, и так как она безгранично его любила...

– В таком случае это правда? – воскликнул Димитрий, скрипя зубами и в ярости ударив кулаком по столу. – Ложь, посеянная одним, как сорная трава, заглушает все доброе в нашем семействе. Сам воздух заражен здесь лицемерием! Про тебя я не говорю, ты, конечно, ничего не помнишь о нашем отце. Но что касается меня, то я знал его хорошо. В моем присутствии он со своими философами смеялся над всем, что считается священным не только у христиан, но и у язычников. Лукреций¹⁸ был его идеалом. Космогония этого богоотступника лежала обычно у постели отца, и он брал ее с собой в дорогу, когда отправлялся путешествовать.

– Отец любил языческих поэтов, но все-таки исповедовал веру Христову, – возразил Марк.

– Он был христианином только по имени, как дядя Пор-

¹⁸ *Тит Лукреций Кар* (ок. 96–55 гг. до н. э.) – выдающийся римский поэт и философ-материалист.

фирий и я! – воскликнул Димитрий. – С тех пор как наш дед Филипп принял крещение, счастье отвернулось от его дома. Чтобы не потерять подрядов на поставку зернового хлеба в казну и на императорский двор, он отрекся от прежних богов и перешел вместе с сыновьями в христианство. Но между тем мой отец и дядя были воспитаны в языческих понятиях. Их образ жизни, вкусы, развлечения не имели ровно ничего общего с духом христианской религии, а в минуты различных невзгод они всегда обращались к прежней вере, принося кровавые жертвы на алтарь языческих богов. Им было невозможно полностью отступить от христианства, потому что всякий христианин, отрекшийся от истинного Бога и возвратившийся к идолопоклонству, теряет право распорядиться своим имуществом в духовном завещании. Если тебе известен этот закон, ты поймешь, почему я не хочу жениться, хотя страстно люблю детей. Я открыто служу старым богам и не посещаю церкви, потому что ненавижу всякое лицемерие. Если бы у меня были дети, то они не могли бы наследовать моей собственности. Ради этой цели мой отец велел окрестить меня при рождении и сам старался соблюсти все внешние обряды христианства. В последний раз он отправился по торговым делам в Петру, и я собственноручно положил ему свиток с сочинениями Лукреция в дорожную сумку. На обратном пути его ограбили и убили. Вероятнее всего, что это убийство совершил собственный слуга нашего отца, Анубис, которому было известно, что его господин вез

с собой значительные денежные суммы. С тех пор он пропал без вести. В то же самое время сарацины перебили множество христианских богомольцев и отшельников в местности, лежащей между Петрой и Айлой, и вот на этом-то ничего не значащем факте мачеха основывает свое требование, чтобы ее покойного мужа причислили к разряду христианских праведников. А между тем она хорошо знала образ мыслей отца и пролила немало слез по поводу его неверия. Теперь твоя мать подписывает крупные суммы на постройку каждой церкви, основала ксенодохиум и бросает уйму денег алчным монахам. А с какой целью? Чтобы отца признали праведником! Но до сих пор все ее труды и жертвы пропадали даром. Епископ пользовался щедростью благочестивой вдовы, оставляя, однако, все ее просьбы без внимания. Теперь она хочет поразить его новым чудом, моментально обратив жителей обширного поместья из язычников в христиан, как кудесник обращает белое яйцо в черное. Что касается меня, то я не намерен помогать ей в этой затее!

Слушая слова старшего брата, Марк то опускал вниз свой отуманенный взгляд, то робко вскидывал глаза на говорившего. Потом юноша глубоко задумался, обуреваемый противоречивыми мыслями.

Димитрий в свою очередь не хотел прерывать его размышлений и молчал, приводя в порядок разбросанные по столу листки папируса. Наконец, Марк глубоко вздохнул, и ясная улыбка озарила его черты.

— Бедная мать! — воскликнул он растроганным голосом. — Многие, как и ты, перетолкуют ее действия в другую сторону. Я сам чуть не усомнился в ней сию минуту, но теперь мне стало понятно, чего она добивается. Сознывая, что отец пренебрегал обязанностями христианина при жизни, матушка хочет спасти его душу от вечного осуждения по своей безграничной любви к покойному. Она хочет умиловать Создателя собственной молитвой, собственной ревностью к вере Христовой. В ней укоренилось твердое убеждение, что отец принял мученическую смерть; если же церковь причислит его к тем, которые пролили за Христа свою кровь, то он будет спасен для вечной жизни и соединится за гробом со своей неизменной подругой. Я вполне понял теперь, чего хочет мать, и с этих пор стану действовать заодно с ней, не щадя сил и трудов, только бы для бедной, погибающей души моего отца открылись двери Царствия Небесного!

Глаза восторженного юноши горели вдохновением. Сердце Димитрия было глубоко тронуто, и он нарочно заговорил еще более небрежным и жестким тоном, боясь обнаружить свои настоящие чувства.

— Будем надеяться на счастливый исход твоих стараний, мой мальчик!

Потом молодой человек украдкой провел рукой по влажным глазам и продолжал, хлопнув Марка по плечу:

— А все-таки мы поступили благоразумно, откровенно высказавшись друг перед другом. В таком случае люди если да-

же и не сойдутся во мнениях, то, по крайней мере, ближе узнают друг друга. Я смотрю на вещи по-своему, ты тоже. Хорошо, что теперь между нами не осталось ничего не выясненного. Однако за трагедией следует всегда веселая шутка, поэтому и нам с тобой следует дружески поболтать после серьезной беседы.

Говоря таким образом, Димитрий прилег на мягкие подушки, приглашая Марка последовать его примеру, и вскоре их разговор перешел, по обыкновению, к вопросу о лошадях. Младший брат принялся хвалить выращенных для него Димитрием молодых кобылиц, которых он объезжал сегодня на ипподроме, прогнав их несколько раз вокруг ниссы¹⁹. В ответ на его похвалу сельский хозяин самодовольно заметил:

– Все эти лошади родились от одного отца и от прекрасных породистых маток. Я сам выездил их, и мне бы хотелось... Но почему ты не пришел сегодня поутру в конюшню.

– Я был занят, – отвечал Марк, слегка краснея.

– В таком случае поедem завтра в Никополис, и я тебе покажу, как нужно прогонять Мегеру мимо тараксиппоса²⁰.

– Завтра, говоришь? – в замешательстве спросил младший брат. – Утром мне необходимо идти к священнику Евсевию, а оттуда...

– Ну, что же?

– Я должен, то есть я хотел бы...

¹⁹ *Нисса* – каменный поворотный столб на конских ристалищах.

²⁰ *Траксиппос* – пугало, устанавливающееся позади стартового участка.

– Чего именно?

– Во всяком случае... Мне, пожалуй, можно поехать и с тобой... Но нет, нет, это неудобно... у меня...

– Ну, что там у тебя? – с возрастающим нетерпением спросил сельский житель. – Мое время рассчитано, и если ты хочешь, чтобы твои вороны участвовали в бегах, то тебе необходимо знать, как следует ими править. Нам нужно выехать, когда на площади соберется народ. На ипподроме мы проведем несколько часов, оттуда зайдем обедать к Дамону, и прежде чем наступят сумерки...

– Нетнет, – возразил Марк, – именно завтра мне некогда...

– Кому нечего делать, тому постоянно некогда, – заметил Димитрий. – Разве завтра праздник?

– Положим, не праздник, но если бы я даже хотел...

– Если бы, если бы! – с досадой воскликнул старший брат, скрестив руки и став против Марка. – Скажи лучше прямо: «я не хочу» или «то, что я намерен делать завтра, составляет мою тайну и тебя не касается». Лучше ответить явным отказом, чем прибегать к пустым отговоркам!

Эти с жаром высказанные слова еще более усилили замешательство юноши. Он придумывал ловкий ответ, который не уклонялся бы далеко от истины, не выдавая, однако, того, что лежало у него на душе.

Между тем Димитрий, не спускавший с Марка пристального взгляда, воскликнул вдруг, весело засмеявшись:

– Клянусь рожденной из морской пены Афродитой, что здесь дело идет о любовном свидании! Женщины, женщины – везде женщины!

– Любовное свидание? – повторил Марк, отрицательно качая головой. – Нет, меня никто не ждет, но, однако... Впрочем, я не хочу тебе лгать. Ты отчасти прав: я действительно отыскиваю одну женщину, и если завтра не найду ее, если мне не удастся добиться того, чего я страстно желаю, то она может погибнуть для вечности. Братскую любовь к ближним я ставлю выше грешной земной любви, и здесь дело идет о спасении или вечной гибели прекраснейшего создания Божьего.

Димитрий удивленно слушал младшего брата.

– Ты опять толкуешь со мной о вещах, мне непонятных, – возразил он наконец, делая нетерпеливый жест. – Однако позволю себе заметить, что ты еще слишком юн для того, чтобы хлопотать о спасении душ хорошеньких женщин. Берегись, как бы они сами тебя не погубили. Ты красив, богат, держишь великолепных коней, а в Александрии немало чародеек, которые не прочь опутать сетями такого привлекательного юношу.

– Ну уж извини, в данном случае об этом не может быть и речи! – с жаром воскликнул Марк. – Здесь я сам являюсь ловцом погибающей души, что следовало бы делать каждому христианину. Девушка, о которой я говорю, воплощенная простота и невинность. Но она попала в руки язычников,

и здесь в Александрии, где на каждом шагу встречаешь так много соблазнов, это наивное, прелестное существо непременно пропадет. Я два раза видел ее во сне. Один раз возле самой пасти разъяренного дракона, а другой раз на краю скалистого обрыва, и оба раза ангел Господень позвал меня, приказывая спасти невинную жертву от зубов чудовища и от падения в пропасть. С тех пор я постоянно вижу ее перед собой: и за трапезой, и когда разговариваю с другими, и даже во время езды на колеснице. При этом голос ангела повторяет мне, что я должен быть защитником погибающей. Привести на путь спасения такую прелестную девушку, которую Создатель осыпал всеми дарами, украшавшими пра-матерь нашу Еву, вот о чем я думаю теперь день и ночь!

Димитрий не шутя встревожился этим порывом юношеского энтузиазма со стороны Марка. Он пожал плечами и довольно сухо возразил:

– Тебе можно было бы позавидовать в том, что ты избран свыше для спасения и охраны неземного создания, но теперь едва ли уже не поздно приступить к твоей похвальной задаче. Тебя не было в Александрии целых полгода, а в такой промежуток времени могло случиться очень многое...

– Не говори таким образом! – воскликнул Марк, прижимая руку к сердцу, как будто стараясь заглушить в нем физическую боль. – Мне действительно надо спешить, я должен узнать, куда увел эту девушку старый певец. Я вовсе не так неопытен, как ты думаешь, и понимаю, что она привезена в

Александрию с дурными целями. Родные заставят ее торговать своей красотой, чтобы обогатиться за счет ее позора. Ты ведь тоже видел ее на корабле. По прибытии сюда я немедленно поместил все их семейство в ксенодохиум моей матери.

– Какое семейство? – спросил Димитрий, скрестив руки и пытливо поглядывая на брата.

– Тех странствующих певцов, которых я принял в Остии на свой корабль. А теперь – можешь себе представить? – они куда-то исчезли из нашей гостиницы, и бедная Дада...

– Дада?! – воскликнул Димитрий, громко расхохотавшись. Он не обратил внимания на Марка, который вспыхнул от гнева и отступил назад. – Так ты рассказываешь мне про Даду, белокурую девочку, ехавшую с нами на корабле? Мне трудно поверить, чтобы небо повелело тебе обратить в христианство эту хорошенькую плутовку. Стыдись такого малодушия! Хочешь биться со мной об заклад? Если я предложу твоей красавице сверток золота, она, несмотря на мою некрасивую внешность, наверное, поедет со мной в Арсиною или во всякое другое место, куда мне вздумается пригласить ее.

– Ты должен взять обратно свои дерзкие слова! – воскликнул Марк, багровея от негодования. – Вы все таковы: для вас нет ничего святого, ничего чистого! О каждой певице принято отзываться дурно, но именно ради этого я и хочу вырвать Даду из рук ее родственников. Если ты знаешь за ней какой-нибудь порок, то выскажись откровенно, если же нет

и если ты не хочешь быть в моих глазах презренным клеветником, то немедленно возьми обратно все, сказанное тобой.

— Очень охотно, — отвечал небрежным тоном Димитрий, — в сущности, я ровно ничего не знаю о твоей красотке, кроме того, что она дала понять и мне, и Цинегию, и его писцам красноречивыми взглядами своих хорошеньких веселых глазок. Однако я слышал, что этот язык бывает порой обманчив. В конце концов, нет худа без добра! Ты, кажется, сказал, что потерял девушку из виду? Если хочешь, я помогу тебе отыскать ее.

— Это твое дело, — раздраженно отвечал Марк. — Несмотря на все насмешки, я исполню свою обязанность.

— Хорошо, — заметил Димитрий. — Может быть, Дада и не похожа на тех певиц, с которыми мне случалось кутить по целым ночам. Один раз в Барке я видел собственными глазами белого ворона, но, пожалуй, то был просто голубь. Твое мнение в настоящем случае имеет большую веру, чем мое, так как ты принимаешь участие в этой молодой девушке, а я нет. Но становится уже довольно поздно. Прощай, Марк, до завтра.

Оставшись один, Димитрий принялся тревожно прохаживаться по комнате.

Когда к нему вошел его любимый раб, собираясь укладывать вещи своего господина, молодой человек угрюмо заметил ему:

— Оставь пока наши сборы, мы пробудем в Александрии

еще несколько дней.

Между тем Марк не думал ложиться спать. Насмешки брата задели его за живое. Голос благоразумия твердил ему, что Димитрий, при своей житейской опытности, пожалуй, очень верно смотрел на вещи. Но вслед за тем молодой человек стал упрекать себя в низости за то, что он мог допустить подобную мысль. Даду унижала только ее профессия публичной певицы, но сама она была чиста, как лилия, как сердце ребенка, как лазурь ее собственных очей и серебристый звук ее голоса. Марк решил во что бы то ни стало поступить согласно откровению, полученному им во сне. Ему повелено свыше спасти невинную жертву от гибели, и он непременно совершит этот подвиг!

Чтобы немного рассеяться, Марк вышел из дому на Канопскую улицу. Но едва он собрался повернуть в переулок, шедший к морю, как был остановлен солдатами. Вблизи находилась префектура, где поместился посланный императором в Александрию консул Цинегий. В народе распространился слух, что он приехал сюда для закрытия языческих храмов, и взволнованная чернь собралась вечером к его жилищу, громко требуя, чтобы консул разрешил всеобщее недоумение. На закате солнца уличная толпа была, однако, рассеяна солдатами. Молодому христианину пришлось отыскивать другую дорогу, так как он непременно хотел пробраться к берегу моря.

Глава VII

В то время когда Марк тревожно прохаживался по окраине залива, рисуя в своем воображении очаровательный образ Дады и придумывая самые убедительные доводы, которыми он надеялся тронуть ее сердце, в плавучем убежище семейства певцов наступила непробудная тишина. Легкий беловатый туман расстилался над Мареотийским озером, как воздушное покрывало, сотканное волшебницей-ночью из лунного света и влажных испарений.

Работы на верфи были давно прекращены, и могучий остов недостроенного корабля отбрасывал причудливые тени, напоминавшие черных крабов, тысяченожек или гигантских пауков, расположившихся на посеребренном лунной дощатом помосте.

Из города не доносилось сюда ни единого звука. Александрия безмолвствовала, как будто в тяжелом забытии. Римские солдаты очистили улицы; огни в домах, на улицах и площадях были потушены, но над крышами зданий разливалось фосфорическое сияние месяца, и, как ночное солнце, светилась верхушка далекого маяка на северо-восточной оконечности острова Фарос²¹.

В просторной спальне, занимавшей заднюю часть кораб-

²¹ Маяк на о. Фарос, построенный архитектором Состратом из Канида в 299–279 гг. до н. э., достигал высоты 110 м. Разрушен землетрясением в 1326 г.

ля, поместились обе девушки. Их постель состояла из шерстяной подстилки, покрытой простынями. Агния лежала с открытыми глазами, задумчиво смотревшими в темноту. Дада давно уже крепко спала, но ее дыхание было тревожно и пурпурные губы иногда сжимались, точно в испуге. Она видела во сне, что на нее опять напала уличная чернь, но на выручку к ней подоспел бесстрашный Марк, избавивший ее от преследований. Потом Даде снилось, будто бы она упала в воду с доски, перекинутой с берега на корабельный борт. Дамия, увидев это, стала над ней смеяться, не думая показать помощь утопавшей. Дада обычно спала очень спокойно, и ее ночные грезы были приятны, но сегодня девушку преследовали пугающие сновидения, хотя этот вечер принес ей большую радость.

Вскоре после возвращения Дады с прогулки по городу на корабль явился домоправитель Порфирия и вместе с приветствиями от своей престарелой госпожи передал присланную ей в подарок великолепную одежду. Кроме того, им была приведена египетская рабыня, хорошо разбиравшаяся в женских туалетах. Дада могла пользоваться ее услугами до самого отъезда из Александрии.

Роскошное платье привело в восторг юную красавицу. Нижняя его часть и сам пеплос²² были сшиты из мягкого бомбикса цвета морской волны и отделаны широкой каймой,

²² *Пеплос* – греческая женская одежда с застежками на плечах, справа открытая, с поясом.

по которой извивалась гирлянда распустившихся роз попеременно с розовыми бутонами. Этот красивый рисунок был исполнен необыкновенно искусной вышивкой. Пеплос поддерживался на плечах драгоценными застежками в виде мозаичных медальонов с изображением розы в овальной золотой рамке. В отдельном ящике лежал золотой пояс, золотой браслет в виде змеи, золотой полумесяц с изображением розы и металлическое зеркало безукоризненной полировки.

Присланная рабыня – женщина средних лет – помогла Дадде надеться в этот изящный наряд и красиво убрала ей волосы, не переставая расхваливать во время одевания красоту молодой певицы.

Агния с улыбкой присутствовала при туалете подруги, подавая египтянке булавки и ленты и любуясь радостным оживлением Дадды, ее раздурманенным личиком и стройной фигурой.

Окончательно одевшись, девушка вышла в большую каюту. Карнис, Орфей и певец Медиус, встреченный стариком на улице, осыпали Дадду восторженными похвалами. Даже Герза, несмотря на свою недавнюю ссору с племянницей, не могла не улыбнуться от удовольствия. Она погрозила пальцем и сказала хорошенькой плутовке:

– Я вижу, почтенная Дамия вздумала окончательно вскружить твою легкомысленную голову. Ее внимание к тебе очень лестно, однако оно даст пищу злым языкам. Помни, что ты дочь моей родной сестры. Я со своей стороны никогда

этого не забуду и стану зорко следить за тобой!

Орфей поспешил зажечь все светильники и лампы, которыми в изобилии была уставлена роскошно убранная каюта. Увидев разряженную Даду в блеске множества огней, Карнис окончательно пришел в восхищение.

– Ты изящна, как дочь какого-нибудь сенатора! – воскликнул он. – Да здравствует красота!

Девушка подбежала к старому певцу и звонко поцеловала его, но, когда к ней приблизился Орфей и начал рассматривать искусно затканную кайму платья, художественную работу застежек и при этом повернул золотую змею, надетую повыше локтя на полной руке двоюродной сестры, она с досадой оттолкнула его. Медий, человек пожилых лет, старый друг Карниса, не сводил глаз с прелестной резвухи и шептал на ухо ее дяде, что она может соперничать с какой угодно красавицей в Александрии и обогатить своих родственников, не прибегая ни к каким предосудительным средствам.

По его желанию, Дада принимала разные живописные позы, представляя то Гебу, подносящую нектар богам, то Навсикаю²³, слушающую рассказ Одиссея, то Сапфо с лирой в руках.

Девушке нравилась эта забава. Наконец Медий, не отходивший от нее ни на шаг, вздумал уговаривать Даду пока-

²³ *Навсикая* – в греческой мифологии прекрасная юная дочь царя феаков Алкиноя, обнаружившая на берегу острова феаков выброшенного при кораблекрушении Одиссея.

заться в этих позах перед избранной публикой на магических представлениях Посидония, чтобы в несколько месяцев обогатить своих родных. Молоденькая певица захлопала от радости в ладоши и призналась:

– Больше всего я хотела бы выкупить прекрасный виноградник отца! Отчего же для этого не выйти на сцену? Только, пожалуй, мне вздумается сделать зрителям гримасу. Если бы они не подходили слишком близко, то я могла бы...

– Тебе лучше всего играть ту роль, которую выберет для тебя сам Посидоний! – прервал девушку Медий. – Посетителям его театра хочется видеть на сцене добрых духов и тому подобные фантастические представления. Ты появишься за прозрачным навесом из облаков, и гении будут приветствовать тебя или преклоняться перед тобой, простирая руки.

Все это показалось Даде до того интересным, что она хотела тотчас согласиться на предложение Медия, как вдруг ее глаза нечаянно встретились с тревожным взглядом Агии, которая смотрела на нее в упор, сильно покраснев от волнения. Молодой певице тотчас пришло в голову, что серьезная подруга стыдится ее тщеславия. Яркий румянец мгновенно вспыхнул у нее на щеках.

– Нет, я не хочу играть у Посидония! – отрывисто заметила она, повертываясь к гостю спиной и бросаясь на диван возле сосуда с вином, смешанным с водою.

Медий принялся уговаривать Карниса и Герзу, представляя им все выгоды своего предложения. Однако они ответи-

ли ему решительным отказом, прибавив, что через несколько дней уедут из Александрии. Между тем старый актер не отступал от своего намерения и, согласившись для виду с доводами своих хозяев, все-таки старался приобрести доверие и благосклонность Дады. Он начал смешить ее, представляя забавные сцены, показывал фокусы и разные штуки. Остаток вечера прошел незаметно при громком хохоте присутствующих, при звоне чаш и веселом пении, в котором пришлось принять участие и Агнии.

Только около полуночи Медий простился со своими друзьями, и тогда Герза заставила всех идти спать.

Египетская рабыня помогла раздеться своей молодой госпоже и вышла из спальни девушек. Агния хотела уже лечь в постель, как вдруг Дада бросилась ей в объятия и, порывисто целуя подругу, воскликнула:

– Ты несравненно лучше меня! Почему ты мгновенно умеешь отличить дурное от хорошего?

Прежде чем заснуть, она еще раз окликнула Агнию.

– Я уверена, что Марк непременно нас отыщет, – сказала Дада, – и мне ужасно хочется знать, чего он от меня добивается.

Несколько минут спустя она уже крепко спала, между тем как молодая христианка не могла успокоиться от своих тревожных мыслей.

Сегодня Агния пережила много такого, что глубоко взволновало ее душу. Беззаботное веселье, которому любило пре-

даваться семейство Карниса, обыкновенно не действовало заразительным образом на молоденькую невольницу. Эти пирующие люди казались ей легкомысленными расточителями, которые проживают в короткий срок все свое имущество, чтобы после долгие годы терпеть нужду и лишения. Агния горевала о бедных погибших душах язычников, радуясь в то же время, что ей выпала завидная участь сделаться христианкой. Она изливала свои чувства в пламенной молитве и находила в ней поддержку и утешение. Но сегодня девушка почувствовала мучительный разлад со своей совестью, потому что в доме Порфирия ей встретился новый неожиданный соблазн.

Она снова слушала пение Горго и пела сама вместе с ней. Сколько жалоб, сколько страстной тоски и горячих порывов изливалось в этом голосе, обращенном к прекрасному могущественному божеству! Торжественная мелодия «Плача Исиды» наполнила сердце Агнии неизведанным блаженством, заставила ее трепетать и млеть, упиваясь чудными звуками. А между тем то было произведение языческих поэтов, посвященное греховному языческому культу.

Почему же оно так глубоко волновало ее сердце, вызывая невольные слезы?

Даже теперь Агния была принуждена сознаться, что она не могла придумать более прекрасного, чистого, возвышенного выражения для своей собственной печали, для своей собственной пламенной благодарности к Богу и надежды на

загробную жизнь в вечном сиянии божественной славы. Горго, преданная идолопоклонству, не имевшая понятия о христианской религии, безусловно превзошла ее по глубине чувства и выразительности исполнения.

Непонятная тревога и даже что-то вроде зависти примешались к тому восторгу, который испытала Агния, слушая пение языческой девушки.

Как могло случиться, что Горго была способна точно так же чувствовать и точно так же выражать движения своей души, как она сама, христианка, получившая благодать свыше и просвещенная истинной верой?

Неужели ее собственные чувства направлены ложно вследствие постоянной близости к язычникам?

Это подозрение угнетало Агнию, и она имела к этому серьезные причины. Сегодня девушка только что хотела спросить, к кому обращен двухголосый гимн, который ей предстояло разучивать, как неожиданно старик Карнис принялся разбирать с ней ее партию. Сначала молодая христианка пела тихо и неуверенно, но потом мало-помалу ободрилась и в третий раз исполнила свою часть вместе с Горго безукоризненно. Красота мелодии и глубокая задушевность этой красноречивой жалобы невольно увлекали певицу.

Теперь Карнис объяснил Агнии, что означал разученный ею гимн.

То был плач Исиды об ее умершем супруге и брате – о языческое нечестие! – и этот умерший был бог Осирис! Скорбь

ная вдова, призывавшая его обратно «немым языком слез», была та владычица языческих демонов, о греховном поклонении которой отец Агнии нередко отзывался с нескрываемым отвращением.

Но между тем в этой жалобе было столько неподдельного, искреннего, а горький плач богини был проникнут такой надрывающей душевной болью! Скорбящая Богоматерь могла точно так же молить о воскресении из мертвых своего Сына, именно так должна была Она призывать обратно и оплакивать Его, «Богopodobного», как называла Христа арианская секта²⁴, к которой принадлежал отец Агнии.

А между тем этот порыв возвышенного чувства, глубоко тронувший молодую певицу, был не что иное, как языческий обман, вымысел еретиков, наваждение дьявола, и она не могла о том догадаться, увлекшись греховной прелестью музыкальных звуков.

Теперь, когда мысли Агнии успокоились среди ночной тишины, ей стало ясно, что она была на один шаг от гибели. Она, как Иуда, чуть не предала своего Господа, если не за деньги, то за греховное наслаждение. Прекрасный голос язычницы и собственное тщеславие прельстили ее, помрачив рассудок. Агния увлеклась редкими совершенствами Горго, и, может быть, ее совесть была подкуплена пер-

²⁴ *Ариане* – приверженцы учения пресвитера Ария (256–336 гг. н. э.), утверждавшего, что сын Божий Иисус Христос не истинный Бог, а лишь «превосходнейшее творение Бога-Отца».

спективной стать наравне с богатой и знатной девушкой, пение которой приводило в такой восторг талантливому Карниса и Орфея.

Бедная девушка томилась безотрадными думами. Она не могла дать себе отчета в собственных чувствах, и ей приходили на память один за другим тексты Священного Писания, в которых заключался суровый приговор ее легкомыслию.

Блуждающий взгляд Агнии нечаянно упал в полумраке на роскошный костюм, подаренный Даде. В один вечер это красивое платье уже несколько помялось, через месяц оно окончательно утратит свою свежесть, а затем будет брошено, как негодная ветошь. Так происходит со всеми непрочными радостями земного существования. Агния в здешней кратковременной жизни была существом одиноким, жалкой невольницей, не имеющей пристанища, но зато ее ожидает вечное блаженство за гробом, если она решится пожертвовать за него земными благами. Знатность, богатство, красота и природные таланты не спасут грешников от осуждения.

Теперь Агния не колебалась более наотрез отказаться от пения в храме Исиды. Эта твердая решимость успокоила ее, и, когда на востоке заалел слабый свет утренней зари, девушка крепко заснула. Она проспала довольно долго. Карнис и Орфей торопили ее идти в дом Порфирия, и молодая христианка робко последовала за ними, потупив в землю глаза.

Глава VIII

Домоправитель богатого торговца и на этот раз не назвал имени Дады, передавая певцам приглашение от своих хозяев. Молодая девушка сильно обиделась. Дочь Порфирия, по ее словам, обращалась с ними высокомерно, точно какая-нибудь царица, оказывая внимание только тем, кто был ей нужен. Если бы Дада не боялась показаться навязчивой, то охотно пришла бы к почтенной Дамии, которая просила ее посещать их дом как можно чаще. Ей было бы приятно упасть метеором в роскошную музыкальную залу надменной Горго во время пения! Дада вовсе не догадывалась, что она произвела неблагоприятное впечатление на знатную девушку. Бедная певица сознавала свое скромное общественное положение и не требовала себе почета, однако была несколько избалована общей любовью.

Поэтому девушка сочла себя вправе относиться к Горго несколько презрительно и высказываться о ней не совсем лестно. Когда же певцы собрались уходить, Дада заметила им вслед:

— Пожалуйста, милая Агния, не вздумай передавать от меня поклона заносчивой Горго! Это просто гадко, что я принуждена проскучать целый день одна в обществе ворчливой Герзы. Не удивляйтесь, если по возвращении вы найдете меня в виде иссохшей мумии, так как мы находимся теперь в

Египте. Я оставляю Агнии в наследство старое платье, потому что она, наверное, не захочет носить мою новую одежду, затканную розами. Если вы постараетесь хорошенько оплакать меня после смерти, то я буду являться вам во сне и кормить вас лакомствами с амброзией, которой упиваются бессмертные. Вы даже не хотите оставить мне Папиаса, чтобы я могла помучить его от нечего делать.

Действительно, малютка был одет во все чистое, и сестра намередвалась взять его с собой по желанию Горго.

Но неудовольствие Дады продолжалось очень недолго. Увидев из окна каюты хозяина корабельной верфи, почтенного старца с седой бородой, девушка выбежала на палубу босиком, как обычно ходила дома. Здесь Дада расположилась на диване, опираясь на перила борта под тенью полотняного навеса, и стала смотреть на дорогу, извивающуюся вдоль берега. Прежде чем резвушка успела соскучиться, ее новая служанка Сахеприс, уходившая по своим делам в дом Порфирия, возвратилась на корабль, села на пол у ног своей госпожи и начала занимать ее разговорами. Дада, конечно, принялась расспрашивать египтянку о Горго. Знатная девушка, по словам рабыни, отказала уже многим женихам из лучших семейств Александрии, и, если Сахеприс не ошибается, причиной тому была любовь к сыну престарелого хозяина верфи.

Юноша вырос вместе с Горго и теперь служил конным латником в римском войске. Однако, по мнению египтян-

ки, брак между ними едва ли был возможен: Константин ревностно исповедовал христианскую веру, и к тому же его род далеко уступал в знатности роду Порфирия. Он вернулся теперь в Александрию, осыпанный военными отличиями и награжденный званием префекта; но Дамия, прекрасно знавшая о взаимной склонности молодых людей, имела в виду совершенно иначе устроить судьбу своей единственной внучки.

Эти сведения сильно заинтересовали Даду, но она еще с большим вниманием слушала египтянку, как только разговор коснулся Марка, его матери и брата. Хитрая Сахеприс была заранее подучена Дамией, как ей следовало отвечать на расспросы молодой девушки о ее новом поклоннике. Едва Дада успела произнести его имя, как рабыня еще ближе подползла к ней на коленях, дотронулась рукой до ее руки и, глядя на певицу своими блестящими черными глазами, стала шептать на ломаном греческом языке:

– Такая прекрасная госпожа, такая молоденькая, и вдруг ее держат, как бедную рабыню! Если бы госпожа захотела, то ей ничего бы не стоило сделаться такой же богатой, как Горго, и даже богаче ее! Так красива, так молода! А я знаю одного человека, который готов одеть прекрасную госпожу в червонное золото, матовый жемчуг и самоцветные камни! Стоит очаровательной Даде только самой захотеть этого.

– Почему же и нет? – весело заметила девушка, улыбнувшись на льстивые речи египтянки. – Но кто это приготовил

для меня столько сокровищ? Ты... ах, мне никак не удастся запомнить твоего имени!

– Сахеприс, Сахеприс зовут меня, молодая госпожа! – отвечала рабыня. – Но ты можешь называть твою служанку, как тебе вздумается. Господин, о котором я говорю, сын богатой вдовы Марии. Красивый мужчина и лихой наездник! Какие у него великолепные кони, а солидов больше, чем песчинок здесь на берегу! Я слышала, что он посылал рабов отыскивать прекрасную госпожу. Дай ему знать, где ты находишься: напиши Марку.

– Написать? – со смехом повторила Дада. – На моей родине девушек не учат этому, да если бы я и умела, то не стала бы писать. Кому хочется меня найти, тот пусть сам меня поищет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.